

Николай Панов

КЛИНОК СТЭЛЛЫ

18+

Николай Викторович Панов

Клинок Стэллы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451419

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04237-7

Аннотация

Роман-антиутопия «Клинок Стэллы» является заключительной книгой трилогии под общим названием «Суррогат» и повествует о жизни Степана, названного брата Стэллы. Степан всю жизнь посвятил поиску клинка своей сестры, который якобы обладает некой мистической силой. Но Степану он дорог в большей степени именно как память о Стэлле. Одновременно он начинает осознавать, что иммунологические андроиды не являются проявлением искусственного интеллекта. Не хватает так называемого «Золотого звена» в общей логической цепочке. И только боевые искусства Востока подсказывают ему правильное решение.

Содержание

От автора	7
Вместо предисловия	8
Действие первое	10
Действие второе	14
Действие третье	16
Действие четвертое	24
Действие пятое	32
Действие шестое	38
Действие седьмое	40
Действие восьмое	50
Действие девятое	60
Действие десятое	65
Действие одиннадцатое	85
Действие двенадцатое	89
Действие тринадцатое	94
Действие четырнадцатое	98
Действие пятнадцатое	103
Действие шестнадцатое	109
Действие семнадцатое	117
Действие восемнадцатое	120
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Книга посвящается Звёздочкиной М.М.

Автор романа – Николай Викторович Панов (1966 г.р.) – окончил Международный Славянский Институт по специальности «психология». В настоящее время работает лаборантом в лаборатории функциональной нейроцитологии Института Высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, ученик Н.С. Косицына. Соавтор научных статей в журналах «Нейрокомпьютеры: разработка, применение» и «Биомедицинская радиоэлектроника» (издательство «Радиотехника»), а также тезисов научных конференций. Автор терминов «техноиммунитет», «иммунологический андроид (иммуноандроид)», «иммунодвижения».

Все иллюстрации в книге сделаны автором.

В работе принимали участие:

Михаил Владимирович Федулов – вице-президент федерации Вовинам Вьет Во Дао России, мастер боевых искусств Востока, автор ряда научных статей в журнале «Нейрокомпьютеры: разработка, применение» (издательство «Радиотехника») в 2016-2018 гг. Является автором идеи основ теории боевых искусств Востока.

Надежда Александровна Логинова – окончила биологический факультет МГУ им. Ломоносова, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории функциональной нейроцитологии ФГБУН Института

высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (Москва). Является автором более 30 научных работ в российских и зарубежных журналах. Является основным консультантом в некоторых вопросах биологии, соавтором научных публикаций по данной теме, а также самым строгим читателем и критиком.

Иван Борисович Комков – тренер спортивного клуба «Канку» (г. Троицк) Московской Федерации Кёкусинкай (IFK), черный пояс, 1-й дан. Неоднократный призер клубных чемпионатов, чемпионатов Москвы и Московской области по кумитэ, участник чемпионатов Москвы по ката. Представлял команду Москвы (кумитэ) на Всемирных Юношеских играх в 1998 году. Является коллегой и соавтором научных публикаций по данной теме.

Николай Степанович Косицын – заслуженный деятель науки РФ, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории функциональной нейробиологии ФГБУН Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (Москва). Горячо поддержал автора идеи основ теории боевых искусств Востока и коллектив.

Игорь Викторович Клименков – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Ультраструктура клетки» Лимнологического Института СО РАН (Иркутск). Проявил интерес к данной идее, поддержал автора идеи и коллектив. Явился также консультантом в некоторых вопросах природы Байкала.

Александр Викторович Савельев – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, начальник патентного агентства «Уникально честное патентирование» (Москва); главный инженер по менеджменту качеством ВМЗ в СДС «Военный регистр». Является консультантом в области философии, а также соавтором научных публикаций.

Владислав Витальевич Дианов – окончил Институт телевидения и радиовещания им. Литовчина (ГИТР). Продюсер кино и телевидения. Имеет работы: «Осколки снов» (режиссер А. Золотков); «Герой» (режиссер Д. Тархов); «Пара центральных» (режиссер В. Дианов).

Александр Валерьевич Тюкаев – родился в Москве 10 марта 1970 года. С детства увлекался Флорой и Фауной, а точнее амфибиями и рептилиями, содержанием и разведением которых занимается до сих пор. Несколько сезонов работал змееловом в Средней Азии и Закавказье. Имеет множество хобби – путешествия, фотография, велосипеды, музыка, ножи. Женат и счастлив, ибо супруга полностью разделяет его интересы. Является консультантом в некоторых вопросах живой природы и натуралистики.

Юрий Ярославович Сичкарь – старший оперуполномоченный уголовного розыска, капитан полиции.

От автора

События последнего времени, внося свои серьезные коррективы в разработки общей тематики всей трилогии, заставили серьезно задуматься о том, а действительно ли мы имеем дело с тем, о чем пишем.

Годы, посвященные данной работе, не прошли зря. Напечатанные статьи, брошюра, трилогия – весь этот титанический труд завершился успехом. И успех этот заключается в том, что только теперь стало известно то, с чем мы действительно имеем дело! Когда это выяснилось, то произошло некоторое отрезвление от всей этой «очаровательной идеи». Однако, не все так грустно.

Трилогия посвящена решению проблемы принятия здоровья согласно критерию истинности личности как призванию осуществления определенной роли индивидуума для развития Вселенной в эволюционном смысле.

Невозможно находиться на неизменном уровне развития, если требуется кардинальное переосмыслением взаимодействия с окружающим миром.

Вместо предисловия

Время идет, меняемся мы, меняются взгляды на жизнь, меняется мир вокруг нас... Все это было бы правдой, если бы не одно НО... История никого ничему не учит. Во все времена люди остаются людьми и меняются лишь окружающие картинки и наше отношение к ним. Все мы давно и прочно погрязли в своих проблемах, заботах и «шаблонных» взглядах на то, как всё «должно» быть. Но не все потеряно в этом мире.

В ваших руках «Клинок Стэллы» – заключительная книга трилогии под общим названием «Суррогат». И я не ошибся, так как данная книга подобна обоюдоострому Клинку! Не только заключительная книга, но и вся трилогия заставляет задуматься о многом.

Главный герой книги – ученый, обычный человек без каких-либо сверхспособностей, почти ничем не отличающийся от других. Но вот это «почти» и играет главную, ключевую роль в его жизни. Все, что его отличает от большинства – жажда познания и неуклонное стремление к Истине, а этого уже достаточно для того, чтобы ожили древние знания и Мир действительно стал меняться, а человечество вступило в новую эру.

«Клинок Стэллы» подводит промежуточные итоги многолетней работы нашего небольшого, склонного к здоровой

критике, – без чего немыслима наука, – коллектива, формируя достаточно полное представление о «картине» окружающего нас мира. А «золотым ключиком», открывающим двери познания, для нас по-прежнему являются боевые искусства Востока.

*Иван Борисович Комков –
тренер спортивного клуба «Канку» (г. Троицк)
Московской Федерации Кёкусинкай (IFK),
черный пояс, 1-й дан*

Действие первое

— А какая красота! Да, интересный мир окружает нас. А как думаете, что за светящиеся точки то и дело появляются вон там? Уж не инопланетяне ли, как Вы думаете?

– Не знаю, Андрей. Всякое может быть, конечно. Но если это действительно инопланетяне, то считай, что нам повезло.

Двое мужчин, один старше средних лет, а другой совсем молодой, стоя на пригорке, любовались природой Байкала. Уже вечерело, когда в небе появились две маленькие светящиеся точки.

– А что в том случае, если «не повезло»? А, Степан Алексеевич?

– Ну, насчет «не повезло» тоже не знаю, во всяком случае инопланетяне по сравнению с Системой – это так, детские игрушки.

– Ну Вы же прекрасно понимаете, что инопланетян не существует, а вот проявление Системы, хотя бы именно таким образом – вполне реально! – Андрей взглянул на друга и учителя.

Не было для него лучшего человека. Степана Алексеевича Корташева он знал давно. Талантливого, бескорыстного, доброго. А главное, Степан Алексеевич был очень целеустремленным человеком. Мотивация, желание поиска, таинственность природы – вот что его увлекало. Степан Алек-

сеевич – интереснейший человек, готовый к поиску неизвещданного.

Двое мужчин, один старше средних лет, а другой совсем молодой, стоя на пригорке, любовались природой Байкала.

Действие второе

— Я... я потерял Стэллу, — произнес Ян. — Моя жизнь оборвана.

Ян упал в ноги старикам. Баба Серафима и дед Антон переглянулись. Недавно от них вышла какая-то красавица, а теперь какой-то молодой человек валяется у них в ногах, да еще и назвал перед этим их именами.

— А ты чаго это, милок? — подошла к Яну баба Серафима. — Я тебя, поди, не знаю. Эй, Антон, может ты припомнишь?

— Да не ведаю вроде как... — произнес дед Антон, глядя на Яна. — Да ты чего на полу-то? Давай-давай, милок, подымайся на ноги, да к столу, да рассказывай в чем тут дело.

Анна была рядом. Поздоровавшись, она спросила разрешение войти. Когда она была у подножья Большой скалы, Анна не в силах была уговорить Яна покинуть берег. Тот сидел на камне, будто был прикован к нему. Потребовалось немало усилий, чтобы привести Яна в чувства. Если бы не она, он бы, наверное, так и умер бы там. Анна, уставшая после дороги, хотела снять номер в гостинице и взять с собой Яна, но тот отказался и повел ее к до боли знакомым старикам — бабе Серафиме и деду Антону. И вот они вдвоем сидели за столом. Одежда Яна сохла. А вот сам Ян находился в шоке от той мысли, что больше никогда не увидит Стэллу. Он вновь сидел без движения уставив взгляд в одну точку, и

только вопрос деда Антона привел его кое-как в чувства:
– Сынок, а скажи, кто ты будешь?

Действие третье

Деревья и кустарники густо росли, заполняя собой пространство. Летний день дарил жизнь лесной мошкаре. То там, то сям натянули свои сети пауки. С резким треском жестких крыльев пролетали стрекозы. На разные лады щебетали птицы. Воздух был наполнен благоуханием трав и гудом от мух, словно звуками фисгармонии. Парило. Но без плаща идти по таким «джунглям» не представлялось возможным. Глебу очень хотелось пить, и, хотя у него было две фляги с водой, он пытался выдержать жажду. Он прекрасно понимал, что захочет пить еще больше, если утолит ее сейчас. Вода попросту выйдет через пот. И сам взмокнет, и снова пить захочется. Так вот он, частный сыщик, пробирался по лесной глуши к своей цели. Он уже целый час бродил по лесу. Немого даже заплутал, но все обошлось. Вновь обретая ориентир, а вместе с ним и уверенность, сделав все-таки глоток воды, немного успокоившись, он вновь двинулся к цели. И вот наконец впереди забрезжил выход из леса. «Наконец-то», подумал он, налазившись вдоволь по оврагам и лесным бурьянам. И вскоре действительно лес закончился. Глеб аккуратно раздвинул густые ветки кустарника, и перед ним открылся простор. Глеб пригляделся и увидел вдалеке фигуру человека. Было похоже, что тот рыбачил. Выйдя из леса, Глеб отряхнулся и направился к рыбаку. Пройдя теперь

уже по открытой местности, он убедился, что нашел именно того, кого искал. Глеб находился метрах в десяти от рыбака, когда тот, почувствовав его приближение, оглянулся. У Глеба развеялись последние сомнения. Подойдя к рыбаку, он поздоровался:

– День добрый! Как клев?

– Да помаленьку, – ответил рыбак. – Что? Рыбалкой интересуетесь?

– Да, интересен процесс, – ответил Глеб. – А какая рыба тут водится?

– Хоть это и озеро, – налаживая удочку ответил рыбак, – но вода проточная. Достаточно чистая. Вон лилии да кувшинки растут. Вода, заметьте, не торфяного цвета. А так, плотвичка, лещик берет. По осени окушок жиры накапливает. Даже карась есть.

– В общем полный набор, – проговорил Глеб. – Ну а как насчет щуки?

– Хе, – ухмыльнулся рыбак, – ну а куда же она от нас, красота такая, денется. И мелкие щурятки, и крупная здесь есть.

И как в подтверждении тому, недалеко ударила хвостом по воде пресноводная зубастая хищница. Большие, плоские лепестки кувшинок закачались от образовавшейся волны.

И как в подтверждении тому, недалеко ударила хвостом по воде пресноводная зубастая хищница.

— Ишь! Вот и она. Мелочь гоняет, — молвил рыбак, глядя в ту сторону.

— Да, большая! — подивился Глеб. — Таковую бы да удилищем....

— Тут прочная леска нужна, — ответил рыбак — щука-то может и не такая уж и большая, а вот через траву ее тянуть — вот где проблема.

— Ну, я так думаю, что для настоящего рыболова проблем не существует.

— Вы так думаете? Хм, ну так это как сказать.

— Да нет, я не в том смысле. Проблемы, они везде существуют. Главное их решать, разумеется, по мере их поступления.

— Да, проблемы есть всегда. Вот рыбалка успокаивает меня. А ведь раньше-то я никогда не рыбачил. Да и жил в городе. А сейчас нет. Все. Переехал жить сюда. Природа, знаете, она успокаивает.

— Да, природа действительно успокаивает. А Вы тут один живете?

— Ну почему один? — рыбак, сменив насадку, вновь забросил удочку. — Со своей женой. Мы с ней вместе раньше в городе жили. Да более того, работали вместе.

– Даже вот как, – Глеб улыбнулся. – А кем же Вы работали?

Рыбак окинул Глеба добрым, с хитринкой, взглядом:

– Кем работал? Вас интересует моя работа?

– Да, простите, я забыл представиться. Меня зовут Глеб Александрович Фомичев. Можно просто Глеб. Вообще я частный сыщик. Но, признаюсь честно, рыбалку очень люблю.

– И чем же я привлек Ваше внимание? Ведь Вы прошли через лес сюда. Не так ли?

– Именно так.

– Не близкий путь, — рыбак снова уставился на поплавок. – И Вы хотите сказать, что пришли полюбоваться на это озеро и на то, как я ловлю здесь рыбу?

– Ну, скажем так, и это заодно, – ответил Глеб. – Ход по этому лесу был действительно нелегок. Да, меня интересуют Вы. Ведь Вас зовут Иван Иванович Быстродумов? Не так ли?

– Ну, допустим, меня так и зовут. А что Вас интересует?

– Иван Иванович, понимаете, тут такая история. Я работаю в частном сыске, но у меня есть друзья, которые работают в более компетентных местах.

– Это в каких же? Простите что перебиваю.

– Да ничего страшного. Они из полиции. Так вот, ходит некий слух о каких-то иммуноандроидах. Я расспрашивал, пытался узнать большее, но, к сожалению, ничего не узнал.

– Ну а я-то тут причем? – Иван Иванович продолжал смот-

реть на поплавок. – И откуда Вы знаете меня?

– Вы знаете таких ученых, как Альфред Росс и Александр Павлович Нечаев?

При этом вопросе рыбак вздохнул. Вытащил удочку, поменял насадку и вновь забросил:

– Откуда Вам они известны?

– Понимаете, Иван Иванович, Альфред Росс недавно скончался, а его друг Александр Павлович сейчас в больнице, но тоже при смерти. Я узнал о их жизни через своих товарищей. Об иммуноандроидах узнал чисто случайно. К сожалению, я застал Альфреда Росса уже в тяжелом состоянии. Он уже почти ничего не говорил, был в забытьи. Но однажды он произнес слово «Система». Иван Иванович, что бы это могло значить?

– И из-за этого слова Вы приехали сюда? Ко мне? Ну уж если Вы так обо всем осведомлены, то лучше скажите, что всем этим серьезно заинтересовались. В частности, мной. Или это не так?

– Я не имею таких сведений.

– Скажите лучше полномочий, – Иван Иванович вздохнул. – Значит нами всерьез заинтересовались. Ну надо же. Столько лет прошло. И вот тебе!

– Не скрою, слухи идут, но только слухи.

– Ну что ж, Глеб, – вздохнул Иван Иванович, — то, что я тебе расскажу, я особым секретом не считаю. Тем более, что это частные разработки. Да, иммуноандроиды далеко не

выдумка. Они существовали. А я был знаком с дочерью иммуноандроида и простого человека.

—Что? — Глеба аж бросило в жар. — Что Вы только что сказали? Дочь иммуноандроида и простого человека?!

—Ну да. А что тут такого?

—Как «что такого»? — Глеб был в недоумении. — Ведь это же немыслимо!

— Ну почему сразу не мыслимо? Все очень даже вполне логично и корректно. Просто об этом никто не задумывался, особенно в довоенное и послевоенное время. Правда, не скрою, были некоторые ученые-одиночки. Но их быстро подламывали.

—Кто?

—Ну как кто? Официальная наука, разумеется. Кто же еще?

—Я не о ней. Кто эти ученые? Где они теперь?

—Ну Вы мне старику и вопросыки задаете, — улыбнулся Иван Иванович, глядя на сыщика. — Вы же сами говорили, что вы сыщик. Но простите, сыщики, я так думаю, во всяком случае, из «штанов не выпрыгивают». Даже если есть повод. О! Так, так! Давай, давай! И... раз!

Через секунду на траве трепыхался крупный карась.

—Ну вот, видите, — улыбался Иван Иванович снимая с крючка рыбу, — клюнул он на вкусенькую приманку, и попался. Я в свое время тоже клюнул.

—Что, несчастный брак? — успокоившийся Глеб чувство-

вал себя неловко, поддавшись наплыву эмоций.

– Да нет, в браке я, наоборот, счастлив, — ответил Иван Иванович, — тут другое было.

– И что же это было?

Иван Иванович вздохнул:

– В ту пору я был просто Иваном...

Действие четвертое

— Дед Антон, бабушка Серафима, — Ян всматривался в их лица, — да неужели Вы меня совсем не помните? Это же я. Меня Яном зовут.

Дел с бабкой только переглядывались да пожимали плечами. Ян прекрасно понимал, что они не врут. Они скорее всего даже слова такого не ведали. Хитрить тоже не могли.

– Ну а Стэллу, ее-то помните?

– Какую Стэллу? – спросила баба Серафима. – Ни о какой Стэлле не ведаю. Дед, а может ты ведаешь?

Дед Антон только плечами пожал. Это уже было слишком. Ян ничего не мог понять. Но тут на помощь пришла Анна:

– Простите пожалуйста, что встречаю, – мягко проговорила она, — мне надо поговорить с этим молодым человеком.

Дед Антон да баба Серафима только переглянулись.

– Анна, – тихо произнес Ян, — вон там была комната Стэллы. Пойдем туда.

– Ну а хозяйева возражать не будут?

– А мы их спросим, – и Ян, подойдя к старикам, попросил у них разрешение войти в комнату Стэллы.

Старики вновь переглянулись, вздохнули оба, да и согласились. Таким образом Анна и Ян оказались в уютной комнате.

– Послушай, Ян, — начала Анна, усевшись на кровать, на

которой когда-то спала Стэлла, — кажется я начинаю понимать то, что происходит. Почему старики ничего не помнят.

– Ты думаешь, что это не случайно? – Ян смотрел на Анну.

– Да, именно так, – Анна вздохнула. – Система попросту отключила им память. А почему? Да попросту проявила благородство по отношению к ним.

– Да ведь это прямое доказательство того, что мы имеем дело не с какой-то спонтанной энергией, а с разумной силой! Вот это да! – Яна буквально перехлестнули эмоции.

– Да тише ты, успокойся, – Анна потрепала Яна за волосы. – Да, это разум. Говорить ли далее старикам что произошло? А может оставить все как есть?

– Я не знаю, – ответил Ян. – Ну, допустим, мы промолчим. И что тогда? Будем думать, что сделаем для них лучше?

– Ты хочешь сказать им, что Стэллы больше нет?

– А что ты предлагаешь? Оставить их в неведении? А будет ли это лучше? А если все-таки они узнают?

– Ян, слишком много вопросов, – Анна смотрела на него с горькой улыбкой.

– Именно, – ответил Ян. – Вопросов действительно много, а вот ответа одного-единственного нет.

– Одежда твоя пришла в негодность, – Анна потрогала мокрый костюм. – Ну, что будем делать?

– Я не знаю, как там эта Система, — произнес Ян, — я считаю, что надо сказать. Пойми, Анна, они нам потом не простят нашей лжи. Лучше сказать им всю правду. Я пони-

маю, все это огромное горе. Почему это непонятно Системе, не знаю. Знаю только одно, Она забрала от меня мою любовь, мою часть. Пусть уж заберет и все остальное! Жить без Стэллы не смогу. Прощай, Анна. Ты знаешь, ты поезжай. А я все расскажу старикам один.

– А потом что? – Анна смотрела на Яна.

– Один раз она спасла меня от неминуемой смерти, — проговорил Ян, — теперь спасти меня будет уже некому. А без нее мне не жить. Странно! Почему об этом не знает твоя Система? Ведь она такая умная! Куда там! Кто мы для нее? Так себе! Какие-то людишки-таракашки! Что хочет, то и делает! Знаешь, Анна, мне все надоело.

– И жизнь тоже надоела?

– Да! И она тоже!

– Так, значит сегодня все расскажешь старикам, благо если не поверят. Хотя всякое может случиться, а поутру пойдешь топиться. Не так ли?

– Именно!

– Прекрасное решение! Тогда у меня к тебе тоже есть некоторое предложение.

– Это какое? – Ян встал с кровати и заходил по комнате.

– Я сама все расскажу старикам, – произнесла Анна, — во всяком случае у меня это получится более деликатно и сдержано. Ну как, согласен?

– А почему бы и нет, – ответил Ян и подумав добавил, — а мне чего до утра-то ждать? Лучше сразу!

– А что? Давай быстрее беги! Пока море не пересохло от жары! Прямо в костюмчике плавать будешь? Или как? Кра-савец-мужчина!

– Анна! Знай! Мне все равно не жить без Стэллы! И чихать я хотел на всё!

– И на всех? – Анна сурово смотрела на него.

– Да! И на всех!

Пощечина свалила его с ног. Он упал на пол. Анна схватила его за грудки и, встряхнув, процедила сквозь зубы, глядя ему прямо в глаза:

– Значит жить надоело? Сопляк! А чего тянуть-то в таком случае? А? – с этими словами она просто швырнула обезумевшего Яна в постель. Ян и опомниться не успел, как Анна оседлала его. Еще две такие же пощечины обрушились на него. Ян пытался защититься от них руками. А в это время Анна, вырвала из-под его головы подушку и придавила ею его лицо. Ян начал задыхаться и вместе с этим забарахтался в постели. Но Анна, придавив его своим телом, грудью легла на подушку и стала его душить. Ян сначала застонал, а затем, поняв, что Анна не шутит начал испускать отчаянные вопли. В его сознании не укладывалось все происходящее. Анна старательно блокировала любой его вопль. Наконец Ян выдохся и перестал сопротивляться. Он резко ослаб. В это мгновение Анна приподняла подушку:

– Жить значит надоело? – произнесла она, глядя на покрасневшую физиономию Яна, — Так продолжим! А чего

тянуть то?

Не успел Ян отдышаться, как подушка вновь перекрыла ему воздух. Анна жестко держала его под собой. Когда вновь послышалось жалобное блеяние, Анна опять приподняла подушку. На нее уставились ничего не понимающие жалостливые глазищи! Опять пару вздохов, и снова Анна придавливает его, перекрывая воздух:

– Так значит жить надоело? Топиться побежит! А зачем делать лишние телодвижения? Я тебе и так помогу уйти на Тот Свет!

И снова Ян слабеет. И снова Анна дает ему сделать хоть пару глотков воздуха. И так продолжается и продолжается. Анна прекрасно понимала, что такими упражнениями можно легко посадить сердце. Она отняла подушку от лица Яна. Тот был полуживой, щеки покраснелись.

– Все! Баня закончена! – отрезала Анна. – Ну как? Дорога жизнь?

– Да! – проблеял Ян. – Не надо больше!

Анна слезла со взмокшего Яна. Тот был в шоке. Анна поправила волосы на голове и застегнула пару пуговиц, расстегнувшихся на декольте.

– И запомни, заруби себе на носу! С жизнью не шутят! Запомнил?

– Да.

– Не слышу? Повтори!

– Да!

– Громче!

– Да! – крикнул Ян, — Я понял!

– Ты чего орешь? Я не глухая. – Анна удивленно смотрела на Яна, как будто ничего вовсе и не было!

*Анна схватила его за грудки и, встряхнув, процедила
сквозь зубы, глядя ему прямо в глаза:
– Значит жить надоело? Сопляк!*

Дед Антон и баба Серафима терпеливо ждали результатов беседы двух незнакомых им людей. Послышавшиеся из комнаты крики немного насторожили их, но они продолжали терпеливо ждать. Наконец, когда оба собеседника вышли, то молодого человека было прямо-таки не узнать!

– Кровь с молоком! – всплеснула руками Серафима глядя на Яна. – Вот это другое дело! А то бледной, грустный. А таперя как из баньки!

– Хм... да! На удивление прямо... — произнес дед Антон, поглаживая бороду, — так таперя объясните нам, кто вы?

Действие пятое

Рассказ Ивана Ивановича проник в самое сердце Глеба и сильно потряс его. Ему непонятно было только одно, почему судьба его вывела именно на Ивана Ивановича, а не на остальных, знавших об иммуниках. И недолго думая, он задал этот вопрос Ивану Ивановичу. Тот только плечами пожал:

– Не знаю. Могу только предположить, что Анна и Алексей уже достаточно пожилые люди. Да еще и пережившие сколько. Им эти иммуники теперь уже, наверное, поперек горла. Ну а потом, Алексей следователь. Конечно, он давно уже на пенсии. А вот я, хоть уже и стар, но все равно, ученый. Наверное, поэтому Вы и пришли именно ко мне. Но теперь Вы уже знаете о них. Они добрые люди, пообщайтесь с ними. У них есть дети, сын Степан и дочь Надежда. Кстати, понимающие люди, насколько я знаю.

– А насколько знаете? – спросил Глеб.

– Вы хотели спросить, как давно я с ними не общался? – Иван Иванович хитро посмотрел на Глеба, и добавил, — Не скрою, давно.

– Так откуда Вам это известно?

– Я понимаю, Вам не нужна пустая болтовня. Вами управляет интерес. Конечно, если бы Вы были посланы ко мне со специальным заданием, то тогда другой разговор. Но я обык-

новенный человек. Я не скажу Вам, что у меня нет на Вас времени. Тем более, после того, что случилось со мной тогда.

– Я понимаю и поэтому просто надеюсь на вашу человечность.

– Ваше чутье правильно подсказало Вам, — Иван Иванович сменил наживку, — вот за разговором и время пролетело. Уже почти ночь. Вы, наверное, проголодались?

– Есть немного. – ответил Глеб, глядя в ту сторону, куда зашло Солнце.

– Ну, может тогда в гости заглянете?

– Если не возражаете.

– Тогда скоро пойдем. У меня тут верша стоит. Я ее этак через полчаса выну. Ничего?

– Да не вопрос.

– А сейчас, небольшой костерок. А то прохладно.

Иван Иванович потер руки, собрал удочки. Поплавка все равно уже не было видно. Десятка два приличных карасей было в садке. Вовсю пели кузнечики, когда Иван Иванович разжег костер.

– Ночной воздух всегда свежий, — произнес он, – бодрит. А иногда и с ног валит! – произнес он, увидев от души зевающего Глеба.

– Да это я так, после вашего рассказа попробуй уснуть! Я-то думал, что вся эта история с иммуноандроидами, какой-нибудь специальный заказ, а это всего на всего открытие частного характера. А скажите мне откровенно, почему Вы

стали участвовать в нем? Почему помогали Кириллу?

– Это так важно для Вас?

– Да, это важно. Важно знать, почему Вы пошли на это. И не говорите мне об ученом интересе. Я думаю, что вами двигало что-то иное.

– Что, например?

– А не могло это быть чувство эгоизма?

– В каком смысле? Я чего-то не понимаю. При чем тут эгоизм? Я сам поначалу отговаривал Кирилла. Но он ни в какую не хотел оставлять свою затею, которая и погубила его. Мы с Таней наоборот всячески помогали ему, если так можно сказать, выжить в сложившейся ситуации, не более.

– Хорошо, допустим, а что тогда двигало Вашим другом?

– Кириллом? Вот тут-то как раз эгоизм и присутствовал.

Правда, я не знаю, насколько это вообще можно назвать эгоизмом. Насколько я знаю, он вообще был влюбчивым человеком. А вот взаимности не было никогда. Да он вообще был не от мира сего. Философ, фантазер, сказочник. Вот в итоге и дофантазировался. После того, что я пережил, уверяю – мысль все-таки обладает чем-то. Чем – не ведаю. Мы просто не готовы ее понять. Вернее, понять ее механизм действия. Мы же не видим эту нематериальную субстанцию. Как мы можем тогда оценить ее работу, воздействие? Единственное, можем увидеть ее воплощение через труд человека. Любая работа в общем-то, особенно у творческих людей.

– И философов!

– Ну а куда же без них? Здесь им целое поле работы. Но я хочу привести в пример художников. Вот пишут они картины. Красота! Какие колориты порой, глаз отвести невозможно. А возвращаясь к Кириллу, могу добавить, несчастен он был.

– В каком смысле?

– Женщин любил, а вот они его нет.

– И это помогло ему создать иммуника?

– Выходит, что так, – Иван Иванович подкинул полено в костер. – Так получается. Когда человек не дополучает чего-то, то начинает это или искать, или находит замену этому. Так вот и он, нашел замену женщинам. Как эта идея ему в голову пришла? До сих пор понять не могу. Говорил, что якобы во сне информация пришла. А там, ну кто знает. Но итог один – получилось! Получилось даже более, чем я думал.

– А что Вы думали?

– Да я даже и предположить себе не мог, что такое вообще произойдет. Но это событие все-таки произошло. Сделали иммуноандроида. Да и вообще не в том дело.

– А тогда в чем?

– Ну что иммуноандроид, ну иммуник. Нет! Ему нужно было другое. Его по жизни не воспринимали всерьез. Вот как, к примеру, было бы Вам, если бы к Вам относились несерьезно?

– Думаю, хреново.

– Вот такое же состояние было и у него. Он всячески пы-

тался доказать, что он не такой, каким его воспринимают. Может где-то он отстал от жизни. Но это никак не сказывалось на его творческих способностях. Жил одиноко. Когда был еще совсем юношей, терпеть не мог, когда его называли словом «парень».

– Почему?

– Считал это слово повседневностью. Но он-то не такой как все. Девки взаимностью не отвечают, творческие способности пропадают. А годы идут. Что делать?

– И что же он сделал? – спросил Глеб и сам ухмыльнулся от того, что его задал. – Иммуника.

– Э, нет! Нет, дорогой! Иммуник это то, что получается потом. Я-то знаю, что ему нужно было.

– И что же ему в таком случае нужно было?

– Показать всему миру, что он не такой, каким его воспринимают. Вот что ему нужно было. Он хотел показать, что он именно такой! Любить хотел, да вот не получилось. Ведь что нужно было женщинам? Любовь? Да шута с два! Прежде всего – УВАЖЕНИЕ! Чтобы ее, женщину, уважали! Не приведи Вселенная завалиться домой пьяным, да еще вдобавок кулаком по столу шарахнуть! Все! Кранты! Они, женщины, уже позабыли что такое и слово есть на свете – «ЛЮБОВЬ». Ну а он знал, может, к сожалению. Да и поначалу аж до цинизма доходило.

– Понимаю... Но ведь погиб-то он как герой, можно сказать.

– Так оно и есть. Когда к нему все-таки пришла любовь, милость победила гнев. Создал он свою мечту, воплотил-таки в жизнь. Пускай даже эта женщина и была иммуноандройдом. Гениальнейшее изобретение. Да только вот никому ничего уже не было нужно. Кругом рынок, рынок, в котором каждый кулик нахваливает свое болото. Никому он не был нужен с этими идеями. Да кого сейчас чем удивишь? Как-то в разговоре пожаловался, что даже его знакомая и то, можно сказать, вежливо «послала его». Что нужно им? Приличное рабочее место, да деньги хорошие, а что до всего остального, так это провались все пропадом, а заодно и он со своими иммуниками. Был бы при хороших деньгах, работодателем, тогда другой разговор. А то создал, понимаешь! Ну поздравляем, мол, ну до скорого. Им даже в голову не приходило, что могут быть такие «женщины», которые вскоре заменят обыкновенных биологических? Ну если последние перестают выполнять свою роль во Вселенной.

– В таком случае какова же роль ЖЕНЩИНЫ?»?

– Ну, дорогой ты мой! Ну и вопросик ты мне, старику, подкинул! Да кто же эту роль знает-то? Могу ответить только одно – эта роль колоссальная!

Действие шестое

Анна и Ян сидели за столом. Баба Серафима угостила их чаем. Анна вкушала с аппетитом. Ян, приведенный радикальным образом в чувство, ел с расстановкой, время от времени поглядывая на Анну. Дед Антон молча наблюдал за гостями. После чая Анна, видя благое расположение к ним со стороны хозяев, спросила разрешение принять душ. Взглянув на Яна, произнесла:

– Да и тебе тоже не мешало бы.

– Да я не против.

– Ну тогда я первая.

– А может мне с тобой? – Ян с сарказмом посмотрел на Анну.

– А не боишься?

– А чего мне бояться? Самое страшное, что было у нас сейчас с тобой, надеюсь уже позади?

– И напрасно, может все только начинается?

– Что к примеру?

– Возьму и утоплю тебя в ванной! – Анна так же с сарказмом взглянула на Яна. – Ну что, идешь?

– Да уж как-нибудь обойдусь.

– Ну как хочешь.

Потеря любимой, взбучка от Анны потрясли Яна. Горячая вода действовала расслабляющее. Взор его начал туманить-

ся дремой. Ни Анна, ни он даже и не подозревали, что баба Серафима, видя, что у обоих стресс, переусердствовала. Заварила чай из целого сбора трав, которые обладали сильнодействующим успокоительным эффектом. Анна почувствовала дремоту, как в тоже самое время Ян уже храпел, лежа в ванной. И вот ему приснилось море. Как он лежит на берегу и смотрит в морскую даль. И вдруг из моря вышла к нему Стэлла. Ян протянул к ней руки. Все его существо потянулось к ней. А она, медленно подойдя к нему, взяв его за руки, и потянув к себе, произнесла:

– Ян, очнись!

– Стэлла! – тихо хотел было ответить он, но почему-то не мог.

– Ян! Ян! – звала его Стэлла.

Можно было представить себе состояние Анны, когда на ее зов, обращенный к Яну, никто не ответил. И когда она узнала от бабы Серафимы, какой чаек она им заварила.

– Твою ж дивизию... — только и проговорила про себя Анна, когда на ее зов никто из ванной комнаты не ответил.

Действие седьмое

Настала ночь. Собеседники забыли про усталость, такой уж разговор у них был. Костер, освещавший их лица, нет-нет, да и требовал «подкрепления», и Иван Иванович подбрасывал поленья. Ночное небо было чистым. Луны не было, и мириады звезд смотрели на них из бесконечности Вселенной.

– Я тут изучал кое-что, — говорил Иван Иванович, глядя в ночное холодное небо, — и пришел к очень интересным выводам.

– Интересно, – Глеб был весь во внимании.

– Я вижу, что Вы человек интересующийся. Вам интересна жизнь как таковая. С ее тайнами и загадками. Не просто так, что вот родился на этой Земле, да и все. Меня несколько поражали своими высказываниями ученые. Ну, скажем так, упал метеорит, все! Они тут как тут! Теперь будут его изучать. Такое создается впечатление, что это небесное тело прилетело именно к ним! Вот-те, пожалуйста, изучайте меня. И вот они начинают. Только они, и более никто. Только они здесь умники, а все остальные ничего в этом не понимают. И как будто все остальные только и ждут того, что скажут эти ученые. А мне, может, тоже хочется подержать в руках метеорит? Да просто посмотреть на него, как на творение природы. Может он мне расскажет о себе гораздо больше,

чем им. Ну почему им можно, а мне нельзя? Или как говорят иногда: «У нас секретная техника, знать вам ее не положено!» И закрывают двери перед носом. Обидно.

– Я понимаю Вас, — проговорил Глеб, — Но ведь Вы же нашли что-то, и это здорово. И если Вы мне это не расскажите, то я буду самым несчастным человеком в мире.

Иван Иванович подбросил очередное полено в костер. Взглянув на Глеба, произнес:

– Вы будете самым счастливым, обещаю. Так вот, я изучал интересную тему, а именно научные работы об одном художнике-авангардисте.

– Что? Его работы?

– Нет, как о нем пишут. Ученые очень близки к уникальному открытию, которое не прилетело к нам с далеких звезд, а родилось здесь, на Земле. Дело в том, что, изучая научные работы по изобразительному искусству авангарда и боевому искусству Востока, я пришел к выводу об их идентичности! Они абсолютно тождественны!

– Но если это так, тогда они не противоречат друг другу!

– Абсолютно! Более того, даже дополняют друг друга!

– А если можно, расскажите подробнее.

Глеб даже забыл о том, что немного проголодался.

– Ну, что же, здесь опять открылись мне две логики. Что в боевом искусстве Востока, что в изобразительном искусстве авангарда.

– Что за логики? – Глеб уселся поближе к костру.

– Что за логики? Ну что ж, сейчас расскажу.

И Иван Иванович начал рассказывать все то, что знал сам. Глеб сделался настолько серьезным, что Ивану Ивановичу даже сделалось несколько смешно. Но он прекрасно отдавал себе отчет в том, что ему-то проще потому, что он знает. А вот Глеб слушал Ивана Ивановича с огромным вниманием.

– Так вот если перекинуть «мостик» на произведения искусства авангарда, то получается, что эти художники напрямую вышли на построение фигур, или элементов, именно принадлежащих логике второго порядка. Ведь они не отрицают классицизм. На нем строится все мировое искусство.

– Получается, что существует большая разница между ограничениями степеней свободы и ограничениями в творчестве?

– Ну разумеется. Как ни парадоксально, но именно в искусстве авангарда скрывается настоящее творчество. Если в классических картинах свойства спрятаны, и их «нащупывают» на эмоциональном уровне, то искусство авангарда напрямую выходит на них.

– Получается, что художники-авангардисты создают на полотне при помощи красок, кистей и палитры некий портал? Хотят они того или не хотят!

– Именно так! И все начинается с асистемного подхода. Кисточки, краски, бумага, карандаш...

– Ластик, полотно, мольберты, грунтовка...

– Да я вижу, ты неплохо разбираешься в искусстве! – за-

смеялся Иван Иванович.

– Этак мы с Вами и не только в искусстве разбираться станем. – Глеб смотрел на звезды.

– А ведь Вы забыли про элементарные линии! – Иван Иванович подбросил еще полено в костер. – А ведь в них вся «соль». Ведь они являются элементами рисунка. В любой школе живописи есть свои приемы. Из этого рождается классика. Но беда вся в том, что любая школа закладывает некий шаблон. Иначе бы и школы не было. И опять кругом образы, образы, образы! А вот правил построения этих образов нет. Только великие художники выходили вроде как на мировую высоту. Именно поэтому и рождались шедевры мирового искусства. Один Айвазовский чего стоит! Великий художник! Его картины, а я не могу иначе их назвать, как только шедевры, действительно передают свойства и заставляют переживать. Но они, эти художники, вряд ли могли объяснить как это у них получилось. Извечное высказывание: «Душу свою вложил», уже не выдерживает натиска современных представлений. И вот здесь именно боевые искусства Востока опять явились самым ярким и очень простым примером того, как разобраться с данной задачей. Ведь именно там, в этих боевых искусствах и заложен смысл того, как элемент-прием, вдруг становится элементом-принципом. И вот тут-то мы и сталкиваемся с понятием ограничений лишних степеней свободы. Теории ограничений в соответствии с диапазоном ситуации, базовых и требуемых параметров, а

также требуемых степеней жесткости, в зависимости от полученных таким образом качеств. А то ведь так можно и снова в классику вернуться!

– Удивительно! Честно говоря, никогда не задумывался над этим.

– Так вот, наше эмоциональное восприятие – это чистой воды классицизм, а вот жесткая передача свойств – это авангард! В нем нет ничего лишнего.

– Так ведь как «ударить» может такая картина! – Глеб даже немного вспотел от своей догадки.

– Мало того! – Иван Иванович прилег на землю. – А теперь представь, что будет, если найдены тождества между авангардом и боевым искусством Востока?

– Так это что же получается? — Глеб на секунду оторопел, а потом поднял на Ивана Ивановича испуганные глаза. – Это же...

– Именно мой дорогой! Именно! И противостоять этому нельзя! Наука идет вперед! – Иван Иванович заложил руки под голову. – А если плоскости добавить! То это вообще! Шик-блеск! Да были такие уже Проекционные театры. А главная проекция при условии наличия источника света, ну, какая?

Глеб немного задумался. А Иван Иванович подбодрил его:

– Ну же! Смелее!

– Тень!

– Именно дорогой! Именно тень! Вот тебе и первый базовый элемент мирового искусства. А теперь вспомни, чем отличается картина на полотне от скульптуры?

– Ну то есть как чем? Скульптура она и есть скульптура, а картина она и есть картина!

– Ну, да. Типа высказывания Шерлока Холмса, «Говоря Вашими словами, лестница как лестница». Ну а с точки зрения плоскостей? Как ты думаешь? – Иван Иванович испытующе смотрел на Глеба.

Тот задумался:

– Ну, картину пишут, а скульптуру ваяют.

– Ну а что значит, «пишут», «ваяют»?

– Ну, душу вкладывают, так что ли?

– Слушай, ну а о чем мы с тобой в таком случае уже всю ночь беседуем? – Иван Иванович даже губы поджал.

– Ну, что, как говорил Микеланджело, типа брал камень и отсекал все лишнее?

– Bravo, ближе к цели, ну а как с точки зрения плоскостей? Ну, вот человек на фотографии смотрит прямо на тебя.

– Так, — задумался Глеб, — куда бы я ни пошел...

– Вернее, на какой бы угол, относительно просмотра этой фотографии ты не отклонился...

– Зрительный образ с фотографии будет смотреть только на меня! – выпалил Глеб.

– Именно! – Иван Иванович хлопнул в ладоши.

– А скульптура на это не способна! – чуть не крикнул

Глеб.

– Вот и еще нашли принципы построения в искусстве, — проговорил Иван Иванович, — но пока еще первого порядка. Это и есть функциональная способность плоскостей. И ты никуда не денешься от передачи с их помощью воздействия, оказанного на тебя.

– А если зрителей много?

– Да хоть тысячи! Какая разница? Каждый получит в зависимости от своего восприятия. Это логика первого порядка.

– А что же тогда второго?

– Она будет работать вне зависимости от восприятия реципиента. Ей не помеха его эмоциональный образ. Он получит от передаваемого свойства вне зависимости от своего психического настроения именно то, что заложено в картине.

– Ну а если он воспротивится, будет сопротивляться? — спросил Глеб, чуя, как мурашки побежали по телу.

– Не знаю, — уклончиво ответил Иван Иванович, — не задумывался. Вон, смотри вперед. Видишь? Что это над водой?

Как будто экран поднялся над черной поверхностью воды озера. Призрачный экран, в котором отражались собеседники у костра. Этот экран дрожал от ряби. Как будто вода озера приняла перпендикулярное положение.

– Ну, узнаешь? — засмеялся Иван Иванович.

– Что это? — выпучив глаза, пролепетал Глеб.

– Система показывает нам, а в частности тебе свои небольшие способности. Вот это и есть – рабочая плоскость. Она как зеркало.

– Но этого не может быть... — вновь пролепетал Глеб, глядя на эту вертикально подносящуюся гладь «воды» с небольшой рябью.

Вдруг их изображения стали увеличиваться.

– Ну, что скажешь? – спросил было Иван Иванович собеседника, как вдруг увидел, что тот повалился без чувств.

Как будто экран поднялся над черной поверхностью воды озера.

Действие восьмое

Анна обладала еще тем характером. Она видела, что Ян пил фактически только один этот чай, да и выпил его прилично. И когда на ее очередной зов Ян, находившейся в ванной, не откликнулся, то поняла – случилась беда! Быстро подбежав к двери ванной, она постучала. Опять нет ответа. Тогда она заколотила в дверь руками и закричала:

– Ян! Живо открой! Ян!

Тут до деда Антона все дошло!

– Да раскудрит твою через коромысло! Серафима! Ты чаво натворила?!

До Серафимы дошло в последнюю очередь.

– Ой! Беды наделала!

Дед понял, что надо немедленно выбивать дверь. Хотел было с разбегу, да куда там! Уже силы все-таки не те.

– Разрешите? – вдруг проговорила Анна.

— *Разрешите?* – вдруг проговорила Анна.

Была дорога каждая секунда, когда Анна, приняв для начала боковую боевую стойку, далее с подскоком, и поставив распорку, нанесла удар ногой в дверь. Дверь поддалась, но не совсем.

– Крепкая зараза, – процедила сквозь зубы Анна и повторила удар.

На сей раз дверь была попросту выбита. Ян уже успел захлебнуться. Его рот и ноздри были под водой.

– Твою мать! – заорала Анна, хватая его под мышки и вытаскивая из ванны.

Ян действительно был без сознания, когда Анна, подставив колено под его живот, руками сверху надавила на концы ложных ребер. Таким образом она пыталась освободить легкие от попавшей воды. Небольшая часть слизи вышла из открытого рта Яна. Но этого было очень мало. Вода не шла.

– Дед! Скорее сюда! – закричала Анна.

Дед в один прыжок оказался у нее.

– А ну, подставляй быстрее так же свое колено! Живее!

Дед быстро сделал так, как приказала Анна. Теперь тело Яна находилось на колене деда Антона. Анна с силой надавила сверху на его ребра. На этот раз прием удался. Из открытого рта Яна рванула вода.

– Еще и еще, — сама себе командовала Анна, изгоняя из

легких Яна последнюю воду.

– Ах ты горе-то! Чаво натворили! – простонала баба Се-
рафима, глядя на все эти процедуры.

– Так! А теперь его на спину! Живо! – скомандовала Анна.
Ян теперь уже лежал на спине. Необходимо было взве-
сти дыхание и произвести массаж сердца. Анна делала ис-
кусственное дыхание до тех пор, пока Ян не начал кашлять:
органы заработали. Закончив «поцелуйчики», Анна села ря-
дом на пол и вытерла ладонью пот со лба. Ян еле очухался, а
когда понял, что он абсолютно гол перед Анной, застеснял-
ся. Анна, доселе сама еле живая от только что перенесенного
ею стресса, саркастически улыбнулась.

– Живой, мать твою, – выдохнула она. – Марш отсюда,
сукин ты сын. Дед, а ну помоги.

Вдвоем они выволокли Яна из ванной и отнесли в комна-
ту, где раньше жила Стэлла. Там Анна уложила его в постель,
укрыла одеялом и присела рядом. Некоторое время они мол-
ча смотрели друг на друга. Тишину нарушила наконец при-
шедшая в себя Анна:

– Ну, как самочувствие?

– Сейчас уже хорошо, такое ощущение, как будто во мне
полно воды. Ну вот видишь, меня и топить специально не
надо. Сам едва не утонул. Зачем делать лишние телодвиже-
ния?

– Ладно, молчи, умник, — вздохнула Анна, — как при-
дешь в себя, так и поедем домой. А вот мыться одному, вот

здесь, я тебе уже не позволю. Хватит с меня сегодняшнего.

– О! Значит вдвоем мыться будем? – теперь Ян с тихой горечью улыбнулся Анне. – Я же ведь тебе сразу предлагал. А ты не согласилась. Вот и результат, как говорится, на лицо!

– Мечтать не вредно.

– А что в таком случае вредно?

– Тебя, дурачка, слушать, вот что действительно вредно. – расправив свои красивые плечи, Анна поднялась и вышла из комнаты.

Через некоторое время Ян чувствовал себя хорошо. Его не покидала задача: что сделать, или что нужно для того, чтобы дед Антон и баба Серафима его узнали? Вернее, вспомнили! Он начал искать, думать. Ничего в голову не приходило. Он вновь прилег на кровать и незаметно для себя задремал. И вот в легком сне он вновь увидел Стэллу. Она стояла на камне и играла на скрипке дельфинам. Те «подпевали» ей. Музыка наполняла пространство. Вдруг Стэлла обернулась и взглянув на него произнесла:

– Ян!

Ян очнулся. Сел на кровать.

– Ну конечно же! Как же я сразу-то?..

Анна уже готовила обеденный стол, как из комнаты Стэллы, с буквально горящими от пришедшей к нему идее глазами, вышел Ян.

– Нашел! Я нашел!

– Что нашел?

– Я нашел то, что вернет память нашим старикам и они вспомнят меня!

Анна глотнула слюну:

– И что же это? Если это конечно не секрет?

– Не секрет! Вот, пожалуйста!

С этими словами он вынул из-за спины скрипку! Ту самую скрипку, которую прислал Стэлле по ее просьбе отец. Ту самую скрипку, на которой она играла дельфинам! И эта самая скрипка должна была вернуть память деду Антону и бабе Серафиме о Стэлле и Яне.

– Вот блин! Какая же я дура! – произнесла Анна. – Ведь сама для нее выбирала! И надо ж так самой и позабыть!

– Склерозец, склерозец! – сыронизировал Ян. – Красота красотой, а молодость молодостью!

– Вот сукин сын! А ну, давай-ка! Сейчас проверим твою догадку!

Долго ждать не пришлось. Резвость Анны сразу же прошла, как только она увидела слезы, выступившие на глаза стариков при виде этой скрипки.

– Стэллушка! Родненькая моя! Внушенька ты моя! – причитала баба Серафима.

Дед Антон и вовсе поник головой.

– Чего натворили – произнес Ян.

– Я сама не ожидала такой реакции, — тихо ответила Анна, — да, видать, сильно они ее любили. А что же теперь делать-то?

– И ты у меня спрашиваешь? – Ян покосился на Анну.

– Ну ты же все-таки мужчина, — Анна пожала плечами, — придумай что-нибудь. Успокой их.

– Это с каких это пор... — начал было Ян, да потом промолчал.

Подойдя к старикам, он обнял их. Он видел их неподдельное горе.

– Ох, внучек, — баба Серафима впервые так его назвала, — расскажи нам, как все это было?

Ян рассказал все, что помнил. Не только последние минуты жизни Стэллы. Он рассказал им все то, что пережил сам.

Прошла неделя, как Анна и Ян жили у стариков. Из разговоров с Яном Анна узнала, что его дом не так далеко. И что в этом доме живет его мать. Она настаивала на том, чтобы Ян примирился с ней, но тот был непреклонен. Он даже не хотел идти в тот дом, ибо в нем пахло смертью.

– Там, где есть смерть, там нет жизни, – говорил он.

В конце концов Анна уступила. Перед отлетом они приняли ванну. Причем Анна приняла ее одна, а уж потом караулила Яна. А Ян перестал стесняться ее. Мылся, можно сказать, запросто. Даже немного шутил. Анна лишь изредка закусывала губу, выслушивая его шуточки. И вот настало время отъезда. Оба старика рыдали, провожая их. Они чувствовали приближение конца своего земного странствия.

– Внучоночек ты мой, — рыдала баба Серафима, — не забывай ты нас. Мои-то дети нас забыли совсем. Ты хоть не

забывай. Ой! Скоро нам помереть с дедом. Приехай хоть попрощаться.

– Да что ты, бабушка! Тебе еще жить да жить! Не думай ты о ней, смерти этой! – лепетал Ян, обнимая добрую старушку. – погоди! Вернусь, так еще и выпьем!

– Внучонок! – говорил дед Антон. – Ты смотри там аккуратнее будь. Не спорь ни с кем. Анна, ты за ним поглядывай! А то мало ли что!

– Не бойтесь мои хорошие, — обнимала их Анна, — все хорошо будет.

В самолете Ян дремал. Но эта дрема была не спокойной: его то и дело передергивало. Анна, сидевшая рядом, и чувствовавшая все его переживания, взяла его руку и прижала ее к своей груди. Ян не чувствовал этого, ему снились облака, поднимающиеся от моря и уходящие в небеса. И там, в этой небесной вышине, озаряемой Солнцем, свою навсегда ушедшую от него земную любовь, свою милую и незабываемую Стэллу.

— Крепкая зараза, — процедила сквозь зубы Анна и повторила удар.

Действие девятое

Глеб очнулся от шлепков по щекам.

– Что, что со мной? – еле проговорил он, приподнимаясь и садясь на землю.

– Да ничего особенного, — ответил Иван Иванович, — нервишки, правда, слегонца пошаливают, а так все в ажуре! Вот что, а пойдем-ка лучше домой. А то так можно тут и до утра проторчать.

Иван Иванович вытащил из воды садок с десятком крупных карасей, свернул удилище. Затем, затушив костер, произнес, подавая Глебу руку:

– Ну что? Пойдем! Ну вот и хорошо.

И они молча поплелись по пустынному берегу к дому.

– Ночь ведь, а все как бы видно, – проговорил Иван Иванович.

Это из-за горизонта появилась Луна, и освещала холодным светом им дорогу. Кругом звенели кузнечики. Ночной воздух наполнялся свежестью, чтобы к утру укутать землю туманом. Наконец показался дом. Самый обыкновенный деревенский домик, которых, вероятно, осталось так мало. Железобетон возводит свои многотонные плиты над планетой, погребая под собой живое прошлое и навязывая неживое настоящее, переходя в неведомое будущее, которое, вероятно, уже наступило.

— Привет, моя хорошая, — Иван Иванович, кряхтя, снимал плащ, отдавая его жене.

— Ты чего так поздно? — принимая плащ спросила жена. — Я уже волноваться начала.

— Извини, моя хорошая, — проговорил Иван Иванович, теперь уже снимая сапоги, — гостя принимай. Вот с ним и разговорились. Так вот до ночи и просидели у костра.

— Здравствуйте, — произнес виновато Глеб. — Это, наверное, я виноват. Я о многом расспрашивал Ивана Ивановича. Получился очень интересный разговор. Вот за этим разговором и засиделись допоздна.

— Да уж можно сказать до утра, — жена Ивана Ивановича взглянула на молодого человека, — что же, давайте знакомиться. Татьяна Сергеевна, а Вас как зовут?

— Глеб Александрович Фомичев. Частный сыск. Для Вас просто Глеб.

— И что же понадобилось частному сыщику от нас в такой поздний, а вернее, ранний час? — Татьяна Сергеевна улыбнулась. — Вот что, сыщики, снимайте верхнюю одежду и за стол. Поди согреться надо. А то вон, замерзли оба.

Самогон пошел хорошо. Соленый огурчик. Картошечка. А под самогон — яблочко! Татьяна Сергеевна пожарила пяток карасей.

– Танюша, а где мое любимое блюдо? – Иван Иванович смотрел на жену добро и ласково улыбаясь.

– А как Глеб? Может ему это покажется не очень здорово? – Татьяна Сергеевна взглянула на Глеба.

Тот пожал плечами:

– Да Вы кушайте, кушайте, — произнес он, — лишь бы на здоровье.

– Ну вот видишь, — Иван Иванович взглянул на Глеба, — человек за здоровый образ жизни, а значит и за здоровое питание. Неси мое любимое!

– Ну как скажете, здоровые вы мои, – иронично улыбнувшись Глебу, Татьяна Сергеевна пошла к холодильнику.

Минут через пять, на столе стояло любимое блюдо Ивана Ивановича.

– Что это? – выпучив глаза спросил Глеб.

– Это? – проговорил Иван Иванович, кладя в рот жаркое — Жареные озерные лягушки. Мечта поэта, если разобраться.

В этот момент Татьяна Сергеевна поставила на стол еще блюдо. На нем дымилось то, что заставило Глеба еще более удивиться. На немой вопрос он получил вполне озвученный ответ:

– А это вообще деликатес! – не скрывая удовольствия, произнес Иван Иванович. – Милость просим! Обжаренный в постном масле мадагаскарский таракан с зофобасом! Вкуснотища!

После этих слов Иван Иванович захрустел отправленным в рот тараканом. «О, Вселенная! Куда я попал?» подумал про себя Глеб.

– Как это куда? – чуть не засмеялась Татьяна Сергеевна. – К нам в гости! Вот так мы и живем!

– Тараканов жуем! – смеясь добавил Иван Иванович. – Да ты кушай, не стесняйся!

Глеб был полностью растерян. «Не пойми чего жрут, так еще и мысли читают», думал он, пока Иван Иванович уминал «мечту поэта».

– Ну, а еще какими «мечтами» питаетесь? – не выдержав спросил он. – Уж не кузнечиков ли ловите?

– Их самых! – ответил Иван Иванович. – Ох, да чего вкусны! Попробуешь?

– О, нет! – произнес Глеб загораживаясь руками от деликатеса, поставленного на стол. – Я по большей части к традиционной пище склонен. Вон картошечка, огурчики, чесночок маринованный. Да и от тридцати грамм не откажусь.

– Вон колбаса есть, — Татьяна Сергеевна пододвинула тарелку с нарезкой поближе к Глебу.

– Надеюсь она традиционная? – почесал Глеб затылок.

– Самая что ни на есть, — ответил Иван Иванович, уминая лягушку, — ну что, за здоровье? Именно за него!

После «опрокинутой» еще одной рюмашки, Глеб почувал, что ноги отказываются его слушаться. С аппетитом поглощая отварной картофель, он вдруг захотел попробовать ля-

гушку.

– Вот-вот, — заметил Иван Иванович, — аппетит приходит после добавочки! А ну, хлопче, бери!

Глеб взял в руки лягушку. Посмотрел на нее и положил в рот. Иван Иванович наблюдал, как заходили челюсти молодого человека.

– Ууу! – потянул он, — а вкусно! А ничего себе! А неплохо! А дай-ка таракашку попробовать!

И вот Глеб уже хрустел мадагаскарским тараканом! А за ним пошел и зофобас!

– Этак мы тебя к здоровой пище вмиг приучим! – проговорила Татьяна Сергеевна.

– Да я это... как ее... уже того, вот, — далее Глеб умолк.

Самогон был крепок и чист как слеза. Кое-как Глеб разделся и улегся в постель. Ночь одарила его красочными сновидениями. Еще бы! Сколько впечатлений он пережил за один только вечер и начинающуюся холодным каскадом звезд темную мглу. И вот теперь ему снились ночные темные озера, полные рыбы. Снилось рябь воды, как будто наполнившая темную высь. Снились иммуноандроиды и люди будущего. Красивые, стройные. Они шли навстречу погрязшему в невежестве человечеству. Людям, которые может и позабыли уже о том, что они все-таки люди.

Действие десятое

— Эй! А ну подъем! Прилетели, давай просыпайся, — Анна разбудила Яна.

Ян потянулся. Самолет подъезжал к месту высадки пассажиров. Ян следовал за Анной, но постоянно ловил себя на мысли, что он уже чужой для их семьи. Кто он без Стэллы для них? Да в общем так, никто, во всяком случае без нее он для них уже не родня. Для Анны и Алексея. Зачем он едет к ним? Для чего? Он ловил себя на этих мыслях и чувствовал себя до ужаса неловко. Если бы у него был ребенок от Стэллы, тогда другое дело, а так, если разобраться — кто он?

— Ты чего такой растерянный? — спросила Анна, увидев его действительно растерянный вид. — Что случилось?

Что мог ответить Ян? Он только молча вздохнул:

— У меня ничего не осталось от Стэллы, — тихо ответил он, — ничего. Была и нет ее. Как такое может быть? Ответь мне, Анна.

— Но ведь любовь-то осталась? — Анна смотрела Яну в глаза. — Любовь-то не умерла?

— Да, я по-прежнему люблю, — ответил Ян, — и буду любить. Но Вам-то от этого не легче.

— Дурачок, — Анна обняла Яна. — Стэлла моя дочь. Мне тоже тяжело, но прошлое не делается будущим. А мы находимся в настоящем. Ты был с моей дочерью. Ее сейчас уже

нет, а ты есть. Значит ты тоже наша семья. Мы не можем просто так отделить тебя от нас, пойми это.

Ян снова вздохнул и грустно взглянул на Анну.

– Спасибо тебе, — тихо произнес он, — спасибо.

Всю дорогу от аэропорта к дому Ян молчал. Анна прекрасно понимала его чувства. Лишь перед самым домом Ян пролепетал:

– О, нет! Что я скажу Степану? Я не уберег его сестру. Что я скажу ему? Какими глазами буду смотреть на него?

Малыша Степку Ян назвал как взрослого. Именно Степаном. Анне показалось, что Ян готов был произнести даже отчество малыша. Она обняла Яна:

– Все будет хорошо, — произнесла она, — поверь мне.

И вот дверь калитки была открыта. Тихо, спокойно поддалась она, пропустив Анну и Яна в сад. У Яна сильно забилося сердце, когда он увидел, что первым к ним вышел именно Степа. Ян не мог смотреть на брата Стэллы и опустил глаза. Анна молча наблюдала за происходящим. Степа подошел к Яну и взял его за руку:

– Дядя Ян, — проговорили детские уста, — не грусти.

Ян взял Степку на руки. Глаза их встретились. Это были глаза двух людей, один из которых хоть и маленький, да стал не по годам взрослым.

– Степа, прости меня, — проговорил Ян, — прости, если это возможно.

– Дядя Ян, ты холосый, я знаю, — Степа обнял Яна. – ты

лассказы мне про Стэллу.

– Ах ты, мой милый! – Ян прижал к себе Степку.

Ян не знал что дальше говорить. Хотя Степа и сам догадывался, что со Стэллой случилась беда. Анне тоже было нелегко наблюдать такую картину. Чтобы хоть как-то разрядить атмосферу, она сказала:

– Ай, Степка, а где Наденька? А почему нас не встречает?

В это время вышел Алексей с Надей на руках. Вид у него был уставшим.

– Ну а вот и Наденька, – тихо произнес он, подойдя к Яну и Анне. – Как говорится, природу не переспоришь. Она свое возьмет. Пойдемте в дом.

Обедали молча. Никому не верилось, что Стэллы больше нет. Так и чудилось, что вот внезапно откроется дверь и на пороге появится она, Стэлла. После обеда Ян принял душ и лег спать. Уставший, изнуренный ударами судьбы, он заснул почти сразу. Анна и Алексей долго лежали, обнявшись. Затем и их взял сон. Тихо посапывали Степка и Надя. Анна специально заварила чай из набора трав для успокоения от бабы Серафимы. Так пролетел вечер и почти вся ночь. А вот рано утром их разбудили петухи. Солнце только-только показывалось над горизонтом. Видна была лишь малая часть его огненного шара. Холодное утро сулило жаркий день. Белый костюм Яна после всего, что произошло, выглядел, мягко говоря, не очень милостиво. Яну дали одеть обычный тренировочный костюм. Да ему было все равно что

надеть. Алексей взял удочки:

– Пойдем, — проговорил он Яну, — на рыбалку сходим. Погода хорошая. Солнце только-только всходит. Надо успеть. Надень телогрейку.

Ян оделся, и они пошли на реку, благо идти недалеко. И вот река. Ни обрывистых неприветливых берегов, ни темной неприглядной воды. Вода, конечно, была холодной, но смотрелась как-то по-теплому. Там и тут торчали из глубины кувшинки да лилии. У берега плавала ряска. Рос камыш. Чистое, песчаное дно предавало общей картине свой незабываемый колорит. У самого берега, на мелководье, можно было разглядеть небольшие стайки мальков и верхоплавков. Без лишней суеты зорко следили за ними мелкие окушки, тревожно «зависнув» в воде. Река была полна жизни.

– Ты смотри, — произнес Алексей, — окуни да щурята мелочь гоняют. Будет рыбалка. Ловить-то умеешь?

– Попробую, — ответил Ян. — Какую удочку настроить?

– Да бери любую, какая нравится. Впрочем, они все тут одинаковые. Обязательно с поводком. А то щуренок быстро дел наделает – крючок отгрызет.

Ян закинул удочку. И вот первая верхоплавка уже болталась на крючке.

– Отлично, — произнес Алексей, — а теперь за ноздрю ее и вон туда. Ближе к ряске и кувшинкам. Щука фактически у берега стоит. Вот поближе к берегу и закинь.

– Попробую, — проговорил Ян, и, наострив живца, забро-

сил его буквально в двух метрах от берега.

Честно говоря, вкусы Яна и Алексея сошлись. Яну тоже приглянулось это место. Поплавок даже не успел «потанцевать» на воде, как оказался под водой. Какая-то сила резко потянула его перпендикулярно вниз.

– Тихо, погоди, не дергай, — прошептал Алексей, — дай ей заглотить.

Ян, в это время подтянул леску:

– А выдержит?

– Кто? – Алексей взглянул на Яна.

– Ну, леска? Не оборвется?

– Да ты чего! Эта красавица большие грузы выдерживает.

Гэдээровская. Мощная леска.

– Теперь я думаю, что можно тянуть, – проговорил Ян.

– Точно! Давай! – скомандовал Алексей.

Это незабываемо! На малое время чувство реальности покидает человека. Удочка, изогнутая дугой, с натянутой как струна леской, пытается вытянуть из-под воды то, что стремится вырваться и уйти на глубину.

– Давай, давай! Тяни, тяни! – воскликнул Алексей, видя эту сказочную борьбу, и подскакивает к Яну, чтобы помочь.

И вот, здоровенная щука, вспенив воду у самого берега, теперь оказывается на траве.

– Ух! Твою ж дивизию! – проговорил Алексей, подбочинясь.

Яна сотрясала легкая дрожь. Не от холода, а от нервного

возбуждения.

– Вот это да! – только и проговорил он, рассматривая это чудо, выловленное из речки. – Это у меня впервые!

– С почином тебя, дорогой! – весело произнес Алексей и добавил, — это только начало. Уж поверь. Я серьезной рыбалке предпочитаю именно такую. На природе побыть ранним утром. А в рыбалке сам процесс интересен. Вон какую вытащил. Красота! Давай, помогу снять ее с крючка, да к своему удилищу пойду.

Через некоторое время Алексею тоже повезло. Пока Ян ловил верхоплавку, Алексей тянул к берегу свой улов. Затем и Яну речка подарила вторую зубастую хищницу. Нарыбачившись, они возвращались домой с неплохим уловом. Целых пять щук. Анна руками всплеснула:

– Ай-да рыбаки! Ай-да молодцы! Каких щук поймали! Давайте переодевайтесь и за стол! А этих красавиц оприходуем.

Картошка, огурцы, хлеб – что еще нужно для простого человека? Человека, не стремящегося ни к какой роскоши от мира сего. Мира, который не понимает истинного смысла человеческой жизни, ибо для него это безумие.

– Ян-то сегодня впервые щуку поймал, — сказал Алексей, — причем и меня опередил.

– Так это, с почином, что ли? – Анна подняла рюмку.

– Именно! Ну, давайте! Да чтобы далеко не последняя! – и Алексей опрокинул рюмку самогона себе в рот.

Налегли на еду. Анна поставила на стол миску квашеной

капусты. Отварной картофель с капустой пошел на «ура».

– Сейчас перекусим, а потом щук приготовим, – произнесла Анна.

– Я помогу их почистить, – отозвался Ян.

– Не откажись, там на столе нож.

Степка тоже был рядом и внимательно изучал процесс разделки щук, когда заплакала Надюшка. Анна бросила чистить рыбу и, поспешив к Наде, произнесла:

– Наденька расплакалась. Я к ней, а ты дочисти их, пожалуйста.

– Конечно сделаю.

– Предлагаю все это дело запечь, — произнес подошедший Алексей, — вкусная вещь получится. Как, не возражаешь?

– Не возражаю, – произнес Ян беря последнюю щуку.

– Ну вот и отлично. Запекать будем на углях. Где-то у меня решетка была? Куда я ее спрятал? Кажется, где-то в сарае. Пойду посмотрю.

И Алексей пошел за решеткой. Анна успокоила Наденьку. Вскоре щуки уже томились в закваске.

– Часок, другой поквасятся, а потом запекать, – произнес Алексей, глядя на щук.

– Сама закваска – пальчики оближешь! – проговорила Анна, пробуя ее на вкус.

Часа через два щуки пеклись от жара углей, издавая при этом изумительный аромат. И вот, щуки были поданы к сто-

лу.

– Ну щуки. Чистятся мгновенно. Единственное, это квасятся чуть дольше. А так, все достаточно быстро. И чего над ними «хороводы водить»? – почесал затылок Ян.

– Да ну, какие тут «хороводы», — проговорила Анна, — приготовили, вот и все.

– Но улов все-таки хороший, как ни крути! – Алексей наливал рюмку. – За твой улов, Ян!

– Спасибо! – Ян тоже опрокинул в рот свою рюмку.

Запеченной рыбой наслаждались молча. Анна аккуратно отделяла кусочки мяса от костей и кормила маленькую Надю. Степка ел сам, но тоже очень аккуратно. Ему очень нравилась пропеченная золотистая кожица щуки. Облизывая пальчики, он то и дело смотрел на Яна. Ян нет-нет, да подмигивал ему. Затем пошла вторая рюмка самогона. Лимон на закуску.

– А не спеть ли нам? – вдруг предложила Анна, видя, что Алексей и Ян расслаблены самогоном.

– А почему бы и нет? – ответил Алексей и запел, — Черный ворон, что ж ты вьешься...

– Над моею головой... — подхватил Ян.

Так они пели. Песня сближает людей. И песня наполняла собой хату. Ян налил себе третью рюмку и произнес:

– Давайте помянем Стэллу. Я любил ее и буду любить.

– Что ж, давай помянем мою дочь, — ответил Алексей, — я знаю только одно, она не посрамила свою честь и Бла-

гословение Системы!

– Что за Благословение? – спросил Ян.

– Благословение? – Алексей взял третью рюмку, — а клинок-то? Ну, вспомни.

– Да, у нее был клинок, я это помню. И этот клинок, что? Имеет какое-то важное значение? – Ян смотрел на Алексея.

– Важное, — ответил тот, — во-первых, он очень древний, насколько я это знаю. Во-вторых, появился он у меня буквально мистическим образом. Только я все это время молчал и никому ничего не говорил. Но сейчас, думаю, можно рассказать. Ну и в-третьих, я все-таки отец своей дочери и вручил ей этот клинок, как мне и было приказано.

– Что значит «приказано»? — Анна взглянула на Алексея, — кем приказано?

– О, это особая история.

– Ну так расскажи, — сказала нетерпеливо Анна.

– Хорошо, — вздохнул Алексей, — давайте помянем Стэллу, и я расскажу вам эту небольшую историю.

За память Стэллы пили стоя. Алексей, выдохнув и закусив самогон лимоном, приступил к рассказу:

– Дело было уже под вечер. Как всегда бумаги, отчеты. Все уже разошлось по домам. В здании были только уборщицы. Я положил документы в сейф, и хотел было уже выйти из кабинета, как дверь сама собой захлопнулась. Ну, думаю, ладно. Достāju ключи и..., вот тут понимаю, что они не подходят к замку. Вернее, внезапно перестали подходить. «Что

за ерунда?» думаю я. Хотел уж на помощь звать. Дверь захлопнулась наглухо. Почесал я затылок, сел снова за рабочее место. Сам думаю: «И чего теперь делать?» Взялся за телефон – не работает! Взялся за мобильный – отключен! Вот дела! Встал из-за стола и, вновь подойдя к двери, забарабанил в нее. Позвал на помощь. Прошло время – никого! Вновь уселся за стол. И что делать – не знаю. Тут мысль: «Можно с улицы позвать!» Подхожу к окну, сколько ни дергал его, не открылось. На своем рабочем месте как в западне какой-то оказался. Снова сел за стол. И вот тут началось. В кабинете появился вроде как легкий туман, который начал потом вращаться по часовой стрелке, как мне показалось, в горизонтальном положении. Таким образом, организовалась некая воронка. Мне почудилось, что и потолка вроде как не стало. На улице вечерело, но до появления звезд было явно рано. Однако, несмотря на это, я увидел, что эта туманная вращающаяся воронка, как бы начинала наполняться звездами. И они тоже начинали вращаться в этой воронке. Удивительное было это зрелище. Я же просто застыл, сидя в своем рабочем кресле. Я просто сидел и ждал, что будет дальше. А дальше произошло то, чего я ну никак не мог ожидать. В центре воронки вдруг стали появляться легкие очертания человека. Они становились все отчетливее, и вот наконец передо мною предстала женщина, облаченная в древнюю одежду воина. А эта густая, звездная воронка растворилась в воздухе. Женщина смотрела на меня, и было в этом взгляде и мужество, и

героизм. Но вместе с тем это был взгляд именно женщины, который я не могу описать. Ее голову венчал шлем, вернее, что-то подобное шлему. Одежда полностью укрывала ее тело. Юбка длиною до пят. При этом она выглядела очень красиво. Плотным слоем ткани были укрыты ее грудь и живот. Юбка была более свободной. Широкий пояс обрамлял ее талию и на нем висел меч, вернее не меч, а сабля в ножнах. А с правой стороны ее бедра, из-за пояса, торчал клинок. Говоря честно, у меня пропал дар речи от такого видения. Я попросту сидел как дурак, с широко раскрытыми глазами наблюдая за происходящим. На мой немой вопрос «Кто ты и откуда?», пришелица заговорила сама.

– Не спрашивай меня, откуда я пришла к тебе. Скажу лишь одно о себе. Я не дух лукавого зла, не демон, но предводительница огромного войска. Не удивляйся тому, что воеводой может стать женщина. Главное не в этом, а в умении управлять теми, кого тебе вверила Система. И вот я, женщина, намного главнее воеводы. В моем войске как женщины, так и мужчины. И порою женщины сражаются намного лучше мужчин. Но женщины снисходительны к ним. Многие мужчины пытаются доказать свою силу перед женщинами, но у них это плохо получается и вызывает только улыбку на лицах женщин. Порою женщины относятся к ним как к детям.

Тут от такого начала онемение у меня прошло:

– С удовольствием верю тебе, о пришелица, — ответил я,

— но разреши задать мне вопрос. Зачем ты ко мне пришла, извини, то есть явилась не пойми откуда, и все это мне рассказываешь? Не сочти это за грубость.

— Я ожидала, что ты задашь мне такой вопрос, — ответила она, — ты воспитываешь свою названную дочь, Стэллу. Не так ли?

— Ну, допустим так. И что?

— Возможно, что эта девочка единственная заслуживающая подарка, который я взяла специально для нее. Это особый подарок. Благословение Системы.

С этими словами она извлекла из-за пояса тот самый клинок и, протягивая его, произнесла:

— Возьми, передай дочери!

Честное слово, я, поднявшись из-за рабочего стола и подойдя к этой женщине, встал перед ней на одно колено. Но она очень ласковым голосом произнесла:

— Не надо вставать передо мной так, подымись.

Я, почувствовав себя несколько неловко, поднялся. Она протянула мне клинок:

— Возьми его.

Приняв сей Великий дар, я вновь задал вопрос ей:

— Скажи, а почему ты сама не явилась к ней? Почему именно через меня? Почему избрала меня посредником?

— Я так захотела, — ответила она, — ты славный мужчина. И мне, как женщине, приятно говорить с тобой. Я хочу, чтобы ты знал и услышал это из моих уст. Наши мужчины

тоже хорошие, но женщины сильнее. Они проверены в боях и ничуть не уступают мужчинам, а часто даже превосходят их. Совсем недавно в моих ногах валялись несколько мужчин, прося о пощаде. Это были поверженные мною враги, которые напали на нас и наши земли. Они даже и не подозревали того, что их победят женщины. Я собрала огромное войско, которое состояло из мужчин и женщин. Каждый из моих воинов готов был сражаться до последнего вздоха, и если придется, то отдать жизнь за наши земли и даже за меня. Ну, разве можно было нам проиграть? Мои воины – настоящие богатыри. Женщины и мужчины! Богатыри силой духа! Вражеское войско было разгромлено. Тех врагов я пощадила, даровав им жизнь. С каким презрением смотрели на них мои женщины, когда они уходили к себе. Дальнейшие судьбы мне их неизвестны. Возможно, что какие-нибудь женщины тайком и порешили их, но это уже не мое дело. А вот их предводителя я предала справедливому суду, который и приговорил его к смерти. Никогда не забуду тех солдат, побежденных моим войском, которые были свидетелями той смертной казни. Когда над их предводителем сверкнуло лезвие моей сабли. Я видела их побледневшие лица, когда, после свершившегося справедливого возмездия, я наступила своей ногой, на его отрубленную голову. Многие от врагов моих говорили тогда про меня, что надо мной Благословение Вселенной. Это я слышала сама, когда они перешептывались меж собой. Но я слышала их шепот. Они не понимали, ну

как женщина может вдруг быть сильнее мужчины. Для них это было безумие. А почему? Потому, что они не знают великой роли женщины во Вселенной.

— Что ж, — ответил я пришелице, — наша история тоже знает о многих подвигах женщин, как в военное, так и в мирное время. Я, конечно, понимаю тебя. Ты хочешь поделиться со мной своим подвигом. Хочешь, чтобы я оценил тебя действительно как женщину. Отвечу тебе. Да! Ты сильна и красива! Мудра и талантлива. Ты смогла разбить своего врага. Таких женщин как ты, действительно мало. Может быть, их уже и нет.

— Ну а как же Анна? — спросила пришелица. — Насколько я знаю, она отчаянно сражалась с врагами. Разумеется, в свое время.

— Да, конечно! — ответил я. — Это само собой. Такие, как Анна, сейчас редкость.

Тут Анна, внимательно слушавшая Алексея, произнесла:

— Слушай, Леша, а тебе не кажется, что во всей этой истории уж очень сильно пахнет феминизмом? Тебе так не кажется? Про ту историю я, честно говоря, даже и вспоминать не желаю. Ибо до сих пор мурашки по коже идут. А эта пришелица восторгается собой! Дескать, вот я какая! Может я не права, не знаю. Но все эти рассказы про то, как бабы расправляются с мужиками, уже надоели. Она тебе больше ничего более путевого рассказать не хотела?

— Понимаешь, Ань, оно конечно всякое бывает. Мы люди

современные, а вот она еще из той древней эпохи. Нравы у них были другие. Может и женщины были сильнее. Я не ведаю. Но ты послушай, что она далее поведала мне.

– Хорошо, — ответила Анна, — послушаем. Только надеюсь, что дальнейший ее рассказ окажется более мирным.

Алексей улыбнулся и продолжил:

– Она поведала мне о том, что мир, конечно, изменился. И это норма. А насчет феминизма, так я думаю, что во всей этой истории даже и запаха его нет. Смотрел я на нее и думал про себя: «Зачем она здесь? Чтобы поведать нам о том, насколько мы слабы? Да это и без этого ясно! Подарить клинок Стэлле? Хороший повод прийти из прошлого в настоящее.»

– Да еще, наверное, и самой царице! – не выдержал Ян.

– Не знаю, — продолжил Алексей, — но что есть, то есть. Я вновь приземлился в рабочее кресло, а она продолжала:

– Женщины все чаще забывают свое предназначение, — говорила она, — вот поэтому я и пришла к тебе поведать об этом.

– А зачем именно ко мне? – удивился я тогда. – Ну расскажешь мне об этом, дальше-то что? Что я смогу для тебя сделать?

– Я выбрала тебя, во-первых потому, что ты мужчина и лучше поймешь то, что я тебе скажу. Во-вторых, передашь клинок дочери. В-третьих, ты человек совести и благонамерен. В-четвертых, сильным женщинам нравятся соответствующие им мужчины.

– Так, дорогой, — встряла Анна, — а вот с этого момента, пожалуйста, подробнее.

– А что подробнее? — Алексей налил себе еще рюмочку, — У меня с ней ничего не было.

– А вот на воре и шапка горит, между прочим, — Анна хитро смотрела на Алексея.

– А на кой, прости меня, шут мне тогда все это рассказывать? — возмутился Алексей.

– Да уж и пошутить нельзя, — Анна смотрела на Алексея, — ну чего там дальше-то было?

– Сейчас вы все очень слабы, — сказала она тогда, — даже накаченные мускулы не всегда помогают. Но не в этом беда. Женщины стали другими. Кажется, что они перестали понимать свое предназначение.

– Ты хочешь сказать, что женщины перестают рожать? — спросил я у пришелицы.

– Причем тут это? — с горечью произнесла она, — Да, деторождение — ее наиглавнейшая функция, но не в этом дело.

– А в чем же тогда? — опять спросил я.

– Цель женщины во Вселенной — это создать гармонию с мужчиной. Быть крепкой и сильной, чтобы глядя на нее и мужчина подтягивался за ней. Фактически быть главой семейного очага. Да, быть женщиной — великая ответственность перед Вечностью. Не позволять себе раскисать. А порою так хочется поплакаться, кому-нибудь. Ведь так трудно быть женщиной!

Только тут я понял, почему она здесь. Мне действительно стало жаль ее. Она, хочешь того или нет, должна быть сильной. Но ведь она же ЖЕНЩИНА! Прости меня, Ань, но я обнял ее. Она заплакала. Да, ей было очень тяжело быть сильной.

– Стал бы ты моим мужем, горя бы я не ведала с тобой! – сказала она. – Был бы моим покровителем. Прижалась бы я к тебе, и укрыл бы ты меня от всех бед и ненастий. Знаешь, как мне тяжело? Очень!

– Ах ты, горе ты мое, — произнес я поднимаясь из кресла, подойдя к ней и обнимая пришелицу, — во дела-то! Во сне такое не привидится. Ну, и что нам с тобой делать?

Я смотрел на нее, она на меня. Из ее глаз текли слезы. Самые обычные бабьи слезы, которые порою так много могут рассказать о человеке. Я увидел ее изнуренные, усталые глаза. Мы оба вздохнули.

– Вот что, — произнес я, освободив ее из объятий, — в ногах правды нет. Присаживайся. А теперь расскажи-ка мне про этот клинок. Откуда он? В общем, его историю.

И вот что она поведала:

– Это очень древний клинок. Достался моему прадеду от его далекого предка. Как гласит легенда, сам Посейдон вручил ему этот клинок за смелость и мудрость. А к владыке морей и океанов спустился этот клинок со звезд.

– Да, богатая история этого клинка, — заметил я, — так вещь-то какая дорогая. Неужто не жалко?

– Так ведь для дела, – ответила она. – Стэлла – великая девушка. Станет великой женщиной. Благословение для твоей дочери принесла я. Благословение Вселенной. Твоя дочь – первый человек будущего. Первый человек, благословляемый Вселенной.

Я хотел было что-то сказать, но вновь появившееся воронка из тумана и звезд стала увлекать пришелицу в ее невероятный мир, из которого она только что явилась мне. Вероятно, в ее прошлое. Ее красивая стройная фигура стала прозрачной и наконец исчезла вовсе. И, словно отзвук эха, я услышал ее голос:

– Благословение Стэлле! Первому человеку женщине новой эпохи!

– Потом все стихло, – произнес Алексей, глядя на Анну, — Ну а все остальное ты знаешь.

– Да все вроде складно, — проговорил Ян, — только одно не понятно. Благословение благословением, а Стэллы-то в итоге нет! Как это понять?

– Не знаю, — ответил Алексей, — сказать трудно.

– А я знаю почему, – вдруг сказала Анна, — знаю, почему так получилось со Стэллой. Она – это тайна будущего человечества. Она действительно первая. Ну, пришелица! Мало того, что пришелица, так еще и Посейдона сюда приплела! А Нептуна случайно не упоминала? Стэлла, клинок! Клинок, Стэлла! Да все это просто тайна Вселенной! А Она, эта Вселенная, случайно не забыла о том, что мы самые настоящие,

обыкновенные люди. Что у нас есть чувства в конце концов. Тайны, тайны кругом. А вот Она, эта Вселенная, как я лично понимаю, не очень-то желает расставаться с этими своими тайнами. Благословение Стэлле в итоге быть тайной! И снова Ее тайной! Вот что это за клинок, пропади он пропадом. Из-за него я лишилась дочери!

Анна умолкла.

– Ты закончила? – Алексей смотрел на нее.

– Да.

– А вот теперь скажу я, – Алексей был спокоен. – Видишь ли, Анна, нам, людям, в отличие от всяких там высших разумов, даны эмоции. Мы можем переживать, можем плакать, любить, ненавидеть. В этом и наша слабость, и наша сила. Иным это невозможно, так как их мир бестелесен. Я видел в этой пришелице сильную и одновременно несчастную женщину. И она вовсе не виновата в исчезновении Стэллы.

– Вернее, в ее гибели, – уточнил Ян.

– Ну уж это слишком. Не погибла она, а ушла в Мир Иной, – поправил Яна Алексей. – А Мир Иной вовсе не загробный мир, а именно Мир Иной. Понимаешь, ее взяла стихия.

– Может быть и так, — ответил Ян, — но мне от этого не легче.

– Нам всем нелегко, — поддержала Анна, — видать, благословение – это самопожертвование ради жизни, – произнесла она и сама вздрогнула от своей догадки.

Ян и Алексей притихли. Анна осталась сидеть с полуоткрытым ртом.

Действие одиннадцатое

Утром, проснувшись, Глеб был стекл как трезвышко! Ни малейшего признака головной боли. Глеб потянулся:

– Ну и самогон! – проговорил он, – Класс!

Татьяна Сергеевна уже хлопотала по хозяйству.

– Утро доброе, Татьяна Сергеевна! – поздоровался Глеб.

– Доброе, доброе! Как спалось-то?

– Ой! Да замечательно! К новым местам я особенно не привычен, но здесь... В общем, спал отлично! Даже снилось что-то. Вы представляете – иммуноандриды!

– Так Вы же их ни разу не видели! – удивилась Татьяна Сергеевна. – Так почему сразу именно они?

– Сам не знаю, — пожал плечами Глеб, — может быть просто был под впечатлением.

– А может и в самом деле скоро предстоит встреча с ними! – пробасил рядом голос Ивана Ивановича. – Утро доброе! Как самогончик?

– Классный! – ответил Глеб. – Никакой головной боли! Даже скорее наоборот, свежесть какая-то. А вот сейчас еще умоюсь, и совсем будет хорошо! Мне бы в душ.

– Только вода там прохладная, – ответила Татьяна Сергеевна и указала где находится душ.

Глеб поспешил в душевую. Прохладная вода дарила свежесть. Глеб мылся с наслаждением. Затем поспешил в дом.

– Ух! Хорошо! – пробормотал Глеб, утираясь полотенцем. – Все-таки деревня – это классно!

На столе стояло блюдо с печеными карасями. Красовалась жареная картошка. В небольшой пиале лежал моченый чеснок. Зеленый лучок придавал свежесть общему натюрморту. Иван Иванович разлил по рюмкам самогон:

– Для аппетита, — проговорил он, — ну, за здоровье!

Самогон приятно обжег полость рта. Далее захрустели чесноком. А вот рыба просто таяла во рту.

– Иван Иванович, Вы упоминали некую Стэллу. Дочь иммунологического андроида и обыкновенного человека. Вы говорили о ее незаурядных способностях. То, что она и как рыба в воде, и как птица в небе. И что все это из-за лишних пар хромосом. Это так?

– Говоря честно, Глеб, прошли уже годы. Время прошло, когда все это было. Конечно, я ничего не забыл. Стэлла – милое создание. Она очень добрая несмотря на то, что обладала невероятной силой. Вернее, не силой, а этими способностями.

– Вы говорите о ней то в прошедшем, то в настоящем времени.

– Она для меня всегда есть и будет живой. Я всегда ее помню, и потому говорю о ней в настоящем времени. А вот в будущее мне, увы, не заглянуть!

– Послушай, Вань, — произнесла Татьяна Сергеевна, — а зачем тебе знать будущее? Разве тебе плохо живется в на-

стоящем? Это у людей, когда по жизни проблемы сплошь и рядом, то мечтают о светлом будущем.

– А когда обнаруживают его, то мечтают вернуться назад? – пошутил Глеб.

– Стэлла на самом деле добрая и замечательная, — улыбнулась Татьяна Сергеевна, — когда мы были у них в гостях, то многое узнали.

– Да, Иван Иванович рассказывал, — проговорил Глеб, уминая карася, — а что Вы как женщина можете рассказать о Стэлле?

– Когда мы уезжали обратно домой, — начала Татьяна Сергеевна, — то Стэлла заметила мою печаль. Я действительно была печальна.

– Вы были печальны? – Глеб с удивлением посмотрел на Татьяну Сергеевну и даже перестал жевать. – Но почему?

– У нас с Ванечкой не было детишек, а так хотелось.

– И что? – спросил Глеб.

– Я до сих пор не могу забыть детскую наивность Стэллы, — Татьяна Сергеевна горько улыбнулась, — именно она была как ребенок. Она очень хотела, чтобы наша мечта сбылась. Она положила свою руку мне на живот. Она хотела, чтобы у нас был ребеночек. Но, увы! Чуда не произошло. Я так и не смогла забеременеть. Через какое-то время мы удочерили девочку. Я и Ванечка ее очень любим, а она нас как сильно любит! Сейчас уже большая. Учится. Красивая такая. А взяли ее совсем маленькой. Говорить толком еще не уме-

ла. Но годы летят. И вот, она уже большая.

– А как ее зовут? – поинтересовался Глеб.

– У нее очень интересное имя, Лиана, — ответил Иван Иванович, — честно говоря, я подивился такому имени. Никогда такое раньше не слышал. Как-то не доводилось. Ну, а когда брали ее, то такое имя и обнаружилось. Ну а что, очень красиво звучит – Лиана!

– Действительно, красиво звучит, — тихо произнес Глеб, — увидеть бы ее разок.

– А ты приходи на смотрины, так потом не разок, а всю жизнь на нее смотреть будешь! – засмеялась Татьяна Сергеевна.

– Что же! – ответил Глеб. – Мне бы навестить Анну и Алексея. Вы не могли бы мне указать их адрес, где они живут?

Действие двенадцатое

Ян долгое время находился под впечатлением от рассказа Алексея. Он даже представить себе не мог, какой смысл был заложен в клинке, клинке Стэллы. Уныние переросло в какое-то иное состояние, которое не мог понять и сам Ян. Он понимал только одно: клинок Стэллы далеко не простой, он полон каких-то невообразимых тайн и загадок. Степка не отходил от Яна.

– Степка! – кричала Анна. – Что ты дяде Яну покоя не даешь? Дай ему отдохнуть от себя! Слышишь, Степка, что я тебе говорю?

– Да ладно, ничего, — говорил Ян, — ему, наверное, интересно со мной.

Так шли дни. Ян то помогал по хозяйству, то играл со Степкой. Анна улыбалась, глядя на них. Сколько бы так могло продолжаться, неизвестно, но Ян понимал, что наступит время прощаться. Была и еще одна веская причина. Его стало тянуть к одиночеству. Чтобы никто не отвлекал его от раздумий о жизни, о Стэлле. Он прекрасно понимал, что остался совсем один на этом белом свете. Конечно, Алексей, Анна, Степа и Наденька стали близки ему. В конце концов они не забудут его, но мешаться им не стоит.

Как-то к нему подошел Степа и сказал:

– Дядя Ян. Я буду искать клинок Стэллы. Ты мне помо-

жешь?

Ян взял его на руки:

– Да кто знает, кто кому еще помогать будет, — произнес он, — я тебе или ты мне. Жизнь она штука серьезная.

– А как ты думаешь, я найду клинок Стэллы?

– Если только будешь стараться. Не иначе. Но я верю, что ты найдешь его. Обязательно.

А через некоторое время Ян начал собираться в дорогу. Он хотел вернуться обратно в дом бабы Серафимы да деда Антона. Впрочем, как и обещал. Ведь это был и дом Стэллы. Там, где у них была первая близость. Где была у них первая встреча, а именно у Большой скалы, загадочной и таинственной. И несмотря на свою огромную высоту и грозный вид, она обладала большим милосердием, чем любовь. Наконец, Ян сообщил, что собирается ехать:

– Бабушка Серафима да дед Антон заждались, — пояснил он, — ну а потом... там была Стэлла.

– Что ж, позабочусь о том, чтобы эта хибара приютила тебя, — произнес Алексей, — только знай, что мы всегда ждем тебя. Сколько бы времени ни прошло, сколько бы лет ни пролетело. Когда в дорогу?

– Дня через три, наверное, — ответил Ян.

– Хорошо, — Алексей немного задумался и добавил. — Как только решу вопрос твоего жилья, так и поедешь.

– Да, понял, — ответил Ян.

Через три дня все было готово. Всей семьей Яна проводи-

ли до аэропорта. На нем был все тот же белый костюм. Анна смогла привести его в порядок. Расставались молча. Только Степка все шептал:

— Дядя Ян, дядя Ян, я всегда буду помнить о тебе. А к тебе можно будет прилететь?

— Конечно, — говорил Ян, прижимая к себе Степку, маленького, но не по возрасту со взрослыми мыслями.

Наконец его обняла Анна:

— И знай, — произнесла она, — с жизнью не шутят. Жизнь вообще не склонна к таким вещам. Всегда помни мои уроки насчет жизни, и никогда, слышишь, никогда не говори, что, мол, жить надоело. Ибо жизнь не имеет цены! Она БЕСЦЕННА! Запомни это раз и навсегда.

— Тут надо с умом к делу подходить, — добавил Алексей, — прежде всего, не быть дураком. Не дать смерти захватить себя. А уж если и придется отдать свою жизнь, то только за Великую цель. Ибо отдавший душу свою за други своя, обретает великую добродетель.

Ревели двигатели самолета, развивающего скорость. Ян сидел у иллюминатора. Росло напряжение и... вот он, отрыв от земли. Немного волнующее чувство антигравитации с последующим взлетом в воздушную среду. Теперь крылья несут самолет с пассажирами над Землей. Открываются широкие просторы, украшающие нашу планету. Самолет набирает высоту. Порою кажется, что уже все, куда выше? Но это только так кажется. Земля, огромная и такая маленькая,

становится как будто ближе, несмотря на огромную высоту. Быть может лишь отсюда мы начинаем понимать всю ее ценность. Города становятся похожими на микросхемы. Реки начинают простираť свои длинные, узкие пути. Живая планета открывает свои жизненные русла для любопытных, глазеющих в иллюминатор. А уж про облака и говорить не приходится! Их надо только увидеть, чтобы уже не забыть никогда. Но Ян как будто всего этого не видел. Его полной отрешенности взгляд не наблюдал ни облаков, ни красоты природы. Наконец Ян просто задремал в кресле самолета. Однако поспать долго не пришлось, так как самолет начал снижаться. «Ну вот и прилетели», подумал Ян. «Я почти дома». Как Ян добрался до домика деда Антона да бабы Серафимы уже не помнил. Расплатился с шофером и поплелся по знакомой дороге к дому. Уже вечерело, когда Ян добрался до места. Дед Антон и баба Серафима аж руками всплеснули, увидев его на пороге. Его визит стал для них неожиданным. Ох, и обрадовались они!

– Ах, внучек приехал! – запричитала Серафима, – Дед, вот счастье-то

– Не забыл, не забыл своего обещания вернуться, — подкивал дед Антон, — приехал! А то мы тут с Серафимой совсем «киснем». Давай, раздевайся, умывайся с дороги-то, да за стол. Поди, устал. Серафима! Пускай душ примет с дороги-то!

– Так оно и хорошо будет, — Серафима готовила чистое

белье, — я ж, поди, про тебя всегда помнила. Размеры твои на глазок определяю. Вот и заготовила. Вот возьми, иди в душ, а потом за стол.

Ян взял белье и пошел мыться. Вот и душ, где он был со Стэллой. Где он испытал первое чувство любви, и где потерпел первую «аварию» с девушкой. Ян присел на табуретку. Посмотрел на ванную, где он едва не утонул. Взглянул на пол, где он лежал абсолютно голый, без сознания перед Анной, вытащившей его с Того Света. Ян закрыл руками глаза. Ему больно было смотреть на все это. Больны были все эти воспоминания. Ян вздохнул и, раздевшись, встал под душ.

— А ты, внучок, думай таперя о будущем, — говорил дед Антон, сидя за столом, — и нам, вона, старым Стэллу невыносимо жалко, а что сделаешь? Думали, правнук будет, а тут она как оно вышло. Давай налью тебе с дороги-то. Выпей, выпей, оно полегче будет.

— Ах, дорогие вы мои, — Яна развезло от самогона, — да жизнь-то ведь моя теперь псу под хвост вся, да будь она неладна! Да уж не привиделось ли мне все это? Без Стэллы не жить мне. Ох, старики, старики вы мои! Как же дальше мне быть-то? Что делать — не знаю!

И Ян разрыдался. Дед Антон да баба Серафима вытащили его из-за стола и поволокли в комнату, где жила Стэлла. Ян просто упал в постель, где память буквально отлетела от него.

Действие тринадцатое

День был в самом разгаре, когда Глеб прибыл по указанному адресу. Ему навстречу вышли два старика.

– Здравствуйте, — очень вежливо поздоровался Глеб, — меня зовут Глебом. Глеб Александрович Фомичев. Мне дали ваш адрес и вот я здесь. Извините, что беспокою Вас, но такое дело.

– А что за дело? — хриловатым голосом спросил старик.

– Вы только не волнуйтесь, — произнес Глеб, — ваш адрес дали мне ваши знакомые. Иван Иванович и Татьяна Сергеевна. Я был у них. Очень хорошие люди.

– Слыш-ка, Ань! — прохрипел старик, — Что он хочет-то?

– Ему наш адрес дали, вот он и пришел, — ответила пожилая женщина.

– А кто дал ему наш адрес? — опять спросил старик.

– Иван да Таня! — чуть ли не прокричала в ухо старику старуха.

– А зачем? — старик то ли был удивлен, то ли вообще ничего не понимал.

Глеб, глядя на это, немного занервничал. Он понимал, что об иммуноандроидах вообще при таком раскладе говорить не придется. Этим старикам было теперь самим до себя. Но хоть какая-то надежда, но оставалась.

– Я не знаю зачем, — ответила старуха, — давай спросим.

Поняв, что придется кричать на ухо деду, а особенно про иммуноандроидов, Глеб покрылся легкой испариной.

– Я у Вас хочу кое-что спросить! – вежливо прокричал он на ухо деду.

– Спросить? – дед почесал затылок, – Ну, спрашивай!

– Да понимаете, — начал подбирать слова Глеб, — дело такое щекотливое. Если можно, я к вам зайду на секунду?

– Щекотливое? – замялся дед, – Слышь, Ань! А про что это он?

– Про что? – старуха вытирала руки о фартук, — Да ты чего, дед, совсем «хорош» сделался. Совсем все позабыл?

– А про что помнить-то? – дед смотрел на старуху.

Та только вздохнула, глядя него:

– Да как же, дорогой ты мой! Все про этих наших, небось!

Про иммуноандроидов! А про кого же еще?

После этих слов старухи, Глебу сначала сделалось немного не по себе. Он даже представить себе не мог такое. «Небось, про иммуноандроидов!» Н, да! Вот это номер! Вот это приехали! Вот это приплыли! И главное это – «небось!» Как будто речь шла о какой-нибудь телеге! Глеб присел на корточки и так иронично посмотрел на стариков, что те только плечами пожали. Дескать, подумаешь! Какие-то там иммуноандроиды! Ну и что? Мы в своей жизни и не то видели!

Глеб с удовольствиемпил прекрасный ароматный чай, заваренный из листов черной смородины. Стол, как и обычно, скромный, но замечательный: картошка, соленые и све-

жие огурчики, селедка, квашеная капуста. Хозяйка поставила Глебу тарелку грибного супа. А прежде всего, Глеб с хозяином выпили по рюмке за знакомство, так сказать.

– Кем будешь-то? – спросила Анна гостя.

– Вообще, занимаюсь частным сыском, — ответил Глеб, — тут ходит странный слух как раз об иммуноандроидах. Сейчас, сами понимаете, какой век. Сплошные цифровые технологии. Ну вот я и заинтересовался. Ведь главное обратиться -то толком не к кому. Судьба вывела на Ивана Ивановича. Ну, он человек ученый, поэтому нашелся быстро. А он уж такое рассказал про Вас, хоть книгу пиши. Вот я к Вам и пришел. Вы уж извините за беспокойство.

– Да ладно, чего там, — ответила хозяйка, — жизнь- то она идет. На месте ничего не стоит. А ты говоришь, что частным сыском занимаешься?

– Да, — ответил Глеб, — мне интересно это.

– Так мой муж тоже следователь!

– Иван Иванович об этом как-то не упоминал в своем рассказе. Может я прослушал? Хотя вряд ли. Значит, не упоминал. Да тут знаете, сколько всего! Вы уж извините, но я узнал и о Лии, и о Стэлле.

– Да, дело такое, что молодым надо браться, — ответила хозяйка, — а нам, старикам, уже куда? Свое повидали. Хватит. Хорошо, дам я Вам адрес моих детей. Степана и Нади. К ним поезжайте. Степа все горит желанием найти то, что забрало себе море. Вернее, что Небо отдало ему – клинок

моей дочери Стэллы.

Действие четырнадцатое

Один за другим проходили дни. Ян устроился на работу. Хоть какие-то, но деньги шли в карман. Чаше работал на «подхвате». Затем через знакомство устроился работать на траулере. Иногда разгружал пойманную рыбу. Деду Антону да бабе Серафиме, конечно, было скучно, когда он уходил в море. А что делать? Так продолжалась жизнь, когда оба старика внезапно занемогли. Это случилось как раз, когда Ян вернулся с очередной «рыбной ловли». Он, изнемогший от работы, нашел в себе силы, чтобы ухаживать за стариками. Мало-помалу им стало лучше. Но они прекрасно понимали, что приближается их смертный час. Вернее, завершается их странствие по Земле и наступает переход в Вечность. Они в открытую говорили Яну об этом. Ян и хотел как-то успокоить стариков, но они были на удивление абсолютно спокойны. Как будто слово «смерть» для них вообще не существовало. Более того, даже шутили, говоря о том, что скоро вновь станут молодыми. Глядя на них, Ян чувствовал только одно – как сильны они духом! Еще бы! Столько прожить и столько перенести! Они переживали вместе и радость, и горе, и счастье, и невзгоды. Единственное – никогда не впадали в отчаяние! Какой бы жизнь тяжелой порою не казалась. И вот теперь они лежали на своих простеньких кроватях и казалось, что как-то по-детски улыбались. И вот настал час,

когда они отказались от пищи. Только водичку пили.

— Вот что, внучек, — сказала как-то баба Серафима, — не ровен час, покинем мы с дедом этот мир. Домик тебе оставляем. Хозяйничай. Вот только об одном прошу я тебя, да и дед согласен со мною. Познакомься с женщиной. А то ты совсем одинешенек. Нам, старикам, тяжело за тебя. А была бы у тебя рая половина, нам, старикам, все легче помирать-то тогда будет, спокойны за тебя станем.

— Да я все о Стэлле думаю, — ответил Ян, — не могу ее забыть. Как работаю, так вроде забудусь, а потом снова она перед глазами. Время, говорят, лечит, только это не про меня. Тяжело, не скрою. Но иначе пока не могу.

Серафима только вздохнула:

— Эх, внучек. Да и нам тоже не меньше твоего о Стэлле думается. Только вот о жизни сейчас думать надо. Ну что ты один останешься? Одному плохо. Мы, вон, всю жизнь с дедом вместе прожили. Нет! Тебе нужна женщина. А одному оставаться — грех великий. Нет-нет, внучек, это так с тоски помрешь. Никто тебе и слова доброго не скажет. Горя не разделит. От беды не отведет. А счастье быть вместе как Солнце среди туч.

— Серафима-то, она мудра, — прокряхтел со своей лежанки дед Антон, — правду говорит. Ты ее слухай. Она хорошая, умница. Так-то.

После этого разговора прошло дня два, когда Ян вдруг повстречал свою мать. Ведь сколько времени прошло, прежде

чем они встретились. Возможно, она хотела увидеть сына. Ян оторопел. Он глазам своим не мог поверить, что видит ее. А она смотрела на него, и в ее взгляде не было ни грамма раскаяния в соделанном ею. Скорее наоборот, ее взгляд был полон ненависти и ревности. Она не могла простить Яну то, что он перестал слушаться ее. Она, как решила для себя – прежде всего МАТЬ! И на этом покончено! Она – ГЛАВА его жизни! И послушание ЕЙ – СВЯТОЕ для него. Она его родила! Выкормила! Воспитала! И теперь он должен быть ее рабом до скончания века! А он, вместо того чтобы слушаться ее во всем, без ЕЕ ведома, связался с девкой! Этого простить Яну она не могла. Она сама желала выбрать ему невесту, именно САМА!

Именно таким, полным ненависти взглядом, она посмотрела на Яна при этой случайной встрече. Но ведь ничего случайного в этом мире не бывает. Ян поначалу оторопел, глядя на это чудовище, а потом...

Если представить себе село, деревню, и момент из ее жизни не самый простой, когда режут скотину на мясо. Для сельчан это в порядке вещей, но они всегда хотят, чтобы этот процесс прошел быстрее. Без мучений для животного. Но то для животного, а не для того демона в женском облике, который предстал перед Яном. Тем более его матери. Как ничтожно выглядело это существо, которое убило его ребенка! Ян понял все. Она жаждала от него такой же реакции, но сильно просчиталась. Во взгляде Яна она прочла горькую

любовь к ней. Наверное, горше полыни. Она поняла, что побеждена. Побеждена навсегда.

Внутри нее что-то заклокотало, и казалось, что это клокотание идет от ее сердца. Оскалив свою пасть и тихо зарывчав, она пошла прочь. Более Ян ее не видел.

Был ясный день, когда баба Серафима и дед Антон ушли в забытье. Дед Антон уже приличное время не занимался огородом, а потому начали подниматься сорняки. Пришлось Яну заниматься прополкой теперь уже всерьез. Поначалу ведь он только помогал деду, и вот пришло время, когда он самостоятельно принялся за это дело. Был самый разгар дня, когда притомившийся Ян сидел за столом и пил чай с листом смородины. Он понимал, что далее грустить по Стэлле – дело без пользы. Он и так чтит ее память. Хранит ее скрипку. Некоторые вещи. Но жизнь требует свое. Вдруг заговорила баба Серафима:

– Ну вот и хорошо. Таперя нам и уходить можна. Так дед говорю?

«Да уж не бредит ли она?» подумал Ян и, подойдя к старушке, дотронулся ладонью до ее лба. Температуры не было.

– Так, Серафимушка, так, – проговорил дед Антон. – Вот и пришел наш час. Таперя внучек один не останется.

Ян ничего не понял. Но потом успокоился: «Ну хотят они,

чтобы у меня была женщина, вот и выдают желаемое за действительное. Бедные старики. Хотят, чтобы я не был одинок. Вот и снится им обоим что-то». Ян снова сел за стол. «Хотя странно», вновь подумал он, «Снится одно и то же что ли? Но такого не бывает!». Ян глотнул из чашки, когда в дверь постучали. Ян сидел спиной к двери, когда та открылась и на пороге появилась...

Действие пятнадцатое

— А можете ли Вы нам сказать, Степан Алексеевич, что вообще происходит? – коллега не скрывал сарказма и иронии, — Вы же среди нас самый умный! Вот и оповестите нас, дураков. Это же мы тут разной хренью занимаемся, а Вы, как это выясняется, науку двигаете! Мы, в отличие от Вас, прямо-таки бездари.

– Ну в чем Вы правы, коллега, так это в последнем, – так же с иронией в голосе ответил Степан Алексеевич. – Ибо наличие бумажки в кармане еще не свидетельствует о наличии серого вещества в черепной коробке. Скорее наоборот. Ибо черепная коробка славится именно наличием мозга, а не папье-маше. Ну это, собственно, Ваше сугубо интимное дело.

– Но ведь в таком случае и Вы обладаете этим папье-маше, уважаемый коллега, — не унимался присутствующий, — оно Вам-то не мешает?

– Как видите, не мешает. Не мешает прежде всего оставаться ученым и иметь возможность думать. Именно поэтому я здесь. И постараюсь ответить на все Ваши вопросы, – четко ответил Степан Алексеевич.

Вопросов было много. Больше всего ученых коллег задевал вопрос именно о названии робота. Почему именно иммуноандроид?

– Уважаемые коллеги, — сдержанным голосом отвечал

Степан Алексеевич, — день, другой, и нам уже не скрыть от общественности этого названия. Да и вообще, кто стремиться засекретить это? Для чего? Это уж совсем непонятно. Во-первых, сегодня никого уже ничем не удивишь. Во-вторых, иммунологический андроид — это лишь производное глобальной цели. Цель-то другая. А именно не противоречить Системе. Тем более, что она вступила с нами в контакт. Она выходила на связь и в древние времена, но, скорее всего, человечество не отдавало себе отчета в этом. Рождались легенды, всякие байки и так далее. Я вспоминаю ушедшего от нас Альфреда Росса. Прекрасного человека и толкового ученого. Александра Павловича Нечаева, скончавшегося несколько лет тому назад. Им суждено было видеть Систему, вернее, как мне кажется, небольшую часть ее. Она, Система, не терпит шуток. Хочу заметить еще раз, что иммунологический андроид является посредником между прошлым и будущим человечества. Я прекрасно помню свою названную сестру, Стэллу. Она стала частью Системы. Она была достойна этого. Кстати, именно благодаря ей я жив. Вам, уважаемые коллеги, ну просто покою не дает название андроида нового поколения. Именно иммунологический! Постараюсь ответить на этот вопрос. Наука всегда хотела подчинить себе физиологию через изучение ее законов. И вот наконец вышли на понятие иммунной защиты. Все бы ничего, да вот только захотелось покопаться научным мозгам в этой защите. Вздумалось «поучить» организм тому, как «надо жить».

И в результате до чего дошли? «Мойте руки перед едой! А то вирусы в Вас попасть могут!» Так и хочется добавить, типа – «Кокое все красивое! Кокое все зеленое! Кокое небо синее! Кокое Солнце желтое!»

Зал наполнился легким смехом, а Степан Алексеевич, сам улыбнувшись, продолжал:

– Так вот, уважаемые коллеги, все пришли вдруг к единому мнению о том, что, оказывается, существует пониженный иммунитет! Который необходимо ПОВЫСИТЬ! А то постоянно болеть будешь. Особенно простудами. Доказывать сумасшедшим это не представляется никакой возможности, поскольку их паника превосходит все нормы здравого смысла. В результате человек паникует по каждому поводу. Сопли из носа, чихание, кашель, да и так далее. А температура если поднимется, так это вообще караул! Быстрее уколы в мягкое место! Караул! Вирусы! Вирусы проникли! А то ведь додумаются для заболевшего донора соответствующего найти. Ну то есть взять донорские антитела и внедрить в больного! Такого абсурда еще не было! Допустим, что болезнь, в больших кавычках, отступала. Но здесь скорее речь идет о вакцинах против ядов. Ввели сыворотку и опасный яд нейтрализован. Но это уже о змеиных ядах и ядах насекомых. Ведь всякое могло быть. Укусила, скажем, гадюка. Все! Паника началась. А дело порой выеденного яйца не стоит. Яд-то ее далеко не смертелен, а вот наши, так сказать, познания по этому поводу действительно опасны. Не от яда, так с ис-

пугу помрет!

По залу снова прошелся легкий смешок. А Степан Алексеевич продолжал:

– Многие подумают, что, мол, как же тогда быть с абсцессом после такого поцелуя змеи? Абсцесс бывает только у тех, кто действительно залечен медикаментами. Иммунная система фактически в состоянии нокдауна. Тем абсцесс обеспечен. Так вот вопрос о том, смогут ли ввести в больного действительное требуемое количество антител? Ни на одно больше и ни на одно меньше? Ибо в противном случае, все, как говорится, «псу под хвост»! Конечно, не смогут. Тогда что имеется в виду? Ведь антибиотик при вирусных заболеваниях не применяют. Воздействие идет непосредственно на клетку организма при помощи интерферона. Своего рода активация иммунных способностей клетки. Вопрос навязывается сам по себе – почему иммунную систему необходимо активировать таким способом именно при вирусных заболеваниях? А может потому, что умные головушки медиков поначалу лечили простуды и сбивали температуру антибиотиком? То есть поначалу воздействовали на антиген с целью его уничтожения, совершенно при этом не заботясь о уже синтезированных антителах. А вот при инфекционных, вирусных заболеваниях заходят уже с тыла. Дескать, стимулировать то, что раньше вероятнее всего уже и отключили. Хотя отключенный иммунитет – это причина уже онкологии.

Вот теперь в зале было уже не до смеха. Многие, пере-

глядываясь, шушукались меж собой. А Степан Алексеевич вздохнул и продолжил:

– Видите ли, уважаемые коллеги, я же не зря рассказал Вам про это. Иначе вы никогда бы не поняли, почему андроид назван именно иммунологическим. Он никогда, заметьте, никогда не допустит вмешательства чужеродной программы в Единое Иммунологическое Информационное Ядро! В противном случае эта программа будет просто уничтожена. И потом, любая программа требует обновления, а иммуник действует в соответствии с алгоритмами. Здесь он не просто выигрывает, а вообще выходит на новый уровень сознания и взаимодействия с окружающей его средой. То есть с искусственными ограничениями. Ничто не сможет повлиять на него. Он становится неуязвимым.

– Ну а как же в таком случае суррогаты? Ведь насколько нам известно, они все погибли. Некоторая информация, Вы уж извините, но до нас дошла. Так как быть в этом случае?

– Понимаю вас, — ответил Степан Алексеевич, — это были первые суррогаты. Остерн допустил ошибку. Самонадежность его подвела. Вернее, сыграла с ним злую шутку. Но я думаю, что очеловечивание иммунологических андроидов в данный момент времени, оказалась нам на руку. Все мы живы и при этом вроде как здоровы.

– Да уж, хотелось бы, — послышался голос из зала, — а то все несколько напуганы после Вашей лекции.

По залу прокатился не то легкий смешок, не то кряхтение

меняющих поз на стульях. Или даже все вместе.

– Ну, дорогие коллеги, — Степан Алексеевич улыбнулся, — я ведь говорю уже об андроидах. А говорить все время о болезнях – это тоже своего рода болезнь. Давайте лучше говорить о здоровье. Андройды оказались человечнее людей. Для нас это большой урок. Но дело далеко не в иммуноандроидах. Мы вступили в новую Эру соединения с Системой. Она ждать не станет. Ее время пришло. Не ровен час, когда мы все увидим Ее.

Степану Алексеевичу еще много задавали разных вопросов, на которые он постарался ответить.

После конференции стали разъезжаться по домам. Степан Алексеевич сел за руль. Вдруг в стекло его машины постучал тот самый коллега:

– Так что же мы выяснили, Степан Алексеевич? Что в итоге имеется в виду?

– Что нет худа без добра! – спокойно ответил Степан Алексеевич, – Это старинная народная мудрость.

– Ну а к нам-то какое отношение эта мудрость имеет? – не унимался коллега.

– К Вам уже, наверное, никакого, – выдохнул Степан Алексеевич и, немного подумав, добавил, — Вам самое главное, чтобы от каждой сопли не уделаться. И меньше пользоваться туалетной бумагой, которой на Вас не напасешься. Для этого ванная существует. Чистоплотнее будете. Все, извините, мне пора.

Действие шестнадцатое

Ян оглянулся и буквально остолбенел от неожиданности. Уж кого не ожидал встретить, так это ее. На пороге стояла Нелли.

– Ну здравствуй, — тихо проговорила она, — к тебе можно или как?

– Н-нелли? – Ян некоторое время отходил от шока, а когда наконец пришел в себя окончательно, буквально вскочив с табурета пролепетал, путая смысловые выражения, – Да, это, конечно... очень... я... я... рат, это... рад, вернее. Спасибо, пожалуйста. Да что я такое говорю? Нелли! Это как? Как ты меня нашла? Проходи, проходи! Я рад.

– Эх, Ян, — Нелли прошла в комнату, — как я тебя нашла? И ты задаешь мне такой вот вопрос? Навела справки. Каким образом – не имеет значения. А вот у меня никогда из головы не выйдет тот момент, когда ты сбежал от нас. Отец и тот прослезился, не говоря уж обо мне.

– Ты плакала из-за меня? – Ян смотре на Нелли. – Прости, я сильно сожалею об этом. Я не стою того. А как твой отец? Как его зовут не вспомню...

– Северьян Яковлевич, как всегда, занимается изучением природы, — ответила Нелли, — кстати, он совершенно не возражал, когда я навела справки о тебе. Вернее, о том, где ты живешь. Он видит в тебе настоящего ученого.

– Нелли, — начал было Ян, — понимаешь, я потерял...

– Тише, Ян, — Нелли ласково прижала его губы своей ладонью, — молчи, мне все известно.

Нелли с большой любовью смотрела на Яна. О, как нежно легла ее ладонь на его губы. Нежнее лепестка розы. Ян сделал вдох, втянув ноздрями запах этой ладони. Затем охватив эту ладонь своими руками начал нежно целовать ее.

– Помнишь, там, в саду, ты увидел меня обнаженной и начал ласкать, — слегка прерывистым от накатывающей страсти голосом проговорила Нелли.

– Да, — ответил Ян, — я помню, что сравнил тебя с прекрасным нежным цветком.

– А я тебе ответила – «Который ты хочешь сорвать?» — проговорила Нелли.

– Да, — снова ответил Ян, — А затем ты меня вернула в реальность.

– Это каким образом? — слегка задыхаясь спросила Нелли.

– Влепила мне пощечину, — ответил Ян.

– Ты обижаешься на меня? — Нелли смотрела на Яна страстным взглядом.

– Что ты! Что ты! Ты добрая, ты красивая. Как ты можешь так думать? — молвил Ян и прочел стихотворение:

Прости меня, девица Нелли,

За то, что вдруг поцеловал.

За то, что тело твое нежно,

В своих объятиях крепко сжал.

*Прости меня, млада девица,
Что чувств своих не обуздал.
Во мне бушует кровь младая,
Прости, что с ней не совладал.*

*Твоя краса – сама невинность,
Прошу, не хмурь своих бровей.
Щека краснеет от удара,
Что нанесен рукой твоей.*

*Еще не время ласки грешной,
Что ж поделать, коль не в срок
Моей души цветок раскрылся,
И на уста твои возлег.*

*По жизни так всегда бывает,
Что первый поцелуй любви
На сердце раны оставляет,
От стрел Амура, что вблизи.*

*Неосторожны поцелуи
Подругам нежным дарены.
Пощечины, как знак внимания,
В ответ от них нанесены.*

*Проходят годы, но как прежде,
Вспоминаем мы порой,
Как счастье удар тот крепкий,
Уже с седою головой.*

Ян опустил голову. Нелли провела ладонью по ее пышной шевелюре.

– Точно, с седою головою. Вот уже и седина пошла. А какой чудесный стих. Очень красиво звучит. Кто его написал?

– Это мой, – ответил Ян, – он пришел как-то спонтанно. Сам собой.

– Нет, – Нелли глядела в глаза Яну, – это твои переживания. И надо думать, каким прекрасным искусством они стали. Человеческое сердце, сколько оно терпит. Какие чувства в нем рождаются. Но оно может быть и злым. Добро и зло идут рядом. Но твое сердце доброе. Оно видит красоту. И я знаю, что нравлюсь тебе. Ах, как бы то ни было!

– Да, ты права Нелли, – ответил Ян, – я вижу вновь тебя нежным цветком, жаждущим любви.

– Тогда обними меня, – Нелли прижалась к Яну, а когда он обнял ее, то добавила. – А теперь сорви этот еще не распутившийся цветок. Пусть он станет красивым.

Девственное чрево действительно напоминает нежный цветок по сравнению с сильным красивым женским телом. Но ведь таковым оно и должно стать. Два встретившихся человека наслаждались телами друг друга, принимая душ.

Ян, отводя в свою комнату Нелли, не мог отвести глаза от

ее прекрасной, нежной фигуры в платье нежно бирюзового цвета. «Неужели вот из таких нежностей получаются со временем сильные и красивые женщины?» думал он, глядя на нее. «Тогда действительно, женщины сильнее мужчин, ибо какие нагрузки ложатся на такие, казалось бы, слабые, вернее, нежные плечи!».

Нелли, войдя в комнату и взглянув на Яна, подняла свои руки к декольте. Ян сглотнул слюну и закрыл дверь. Несколько пуговиц на декольте были расстегнуты. Нелли серьезно смотрела на Яна, а он в упор смотрел на нее. Нелли впервые сама, по собственному желанию раздевалась перед мужчиной.

Она покрылась легким румянцем. Сердце сильно билось в ее груди. Что до Яна, то он вообще еле держался на ногах от вожделения. Повернувшись в полуоборот к нему, Нелли слегка нагнулась и, взяв подол платья, медленно стала поднимать его кверху, обнажая сначала ноги, а потом нижнее белье, которое открылось взору Яна. Беленькие трусики скрывали ее нежные ягодицы и нежнейшее лоно. А вот белый бюстгалтер, наоборот, только акцентировал ее нежные девичьи груди. И вот, платье висело на спинке стула. Сбросив с себя верхнюю одежду, Ян подошел к полуобнаженной Нелли.

— Пойдем в душ, — произнес он тихим голосом, — бабушка и дедушка спят. Вернее, они в забытии.

Они вышли из комнаты, и только теперь Нелли увидела двух стариков. Вернее, осознала это. Она их видела, но мыс-

ли были о другом. А вот теперь ее взору предстала грустная картина.

– Им очень плохо? – спросила она Яна, даже забыв о том, что она в одном только нижнем белье.

– Тапереча нет, — вдруг прохрипел старческий голос, — Таперя все хорошо. Ты не одинок. Какая хорошая девочка с тобой.

Эта была Серафима. Не открывая, глаз она видела все. Нелли забылась и подойдя к старушке спросила:

– Бабушка, Вы как себя чувствуете? Что-нибудь принести?

– Спасибо тебе, девонька, спасибо, — ответила Серафима, — главное, что вы вместе. Более ничаво не нужно. Все хорошо.

– Да мы с Серафимой ишо день, два и тамо встретимся, — проговорил дед Антон. — А вы тока живите мирнее. А мы рады за вас. Подойди ко мне, дочка, я хоть взгляну на тебя.

Нелли как есть подошла к деду Антону. Многие бы могли возмутиться: «Хоть прикрылась бы, позорница! К старому человеку подходишь в таком виде! Как не стыдно современной молодежи!» То многие, но только не дед Антон, переживший столько много! Знающий цену жизни, что ОНА, ЖИЗНЬ, БЕСЦЕННА!!! Именно ЖИЗНЬ, а не существование! Своими, полупотухшими для всего земного глазами, он одарил Нелли, подошедшую к нему, таким полным любви взглядом, каким не могут одарить изысканные красавцы ми-

ра сего! Она даже немного всплакнула от умиления, глядя на этого умирающего старика.

— Наклонись ко мне, доченька, — произнес дед Антон, — поцалуй меня в щеку, да и я дам тебе прощальное свое целование.

Нелли была так растрогана, что не могла держать слез. Они потекли по ее щекам. Она нагнулась и поцеловала деда в щетинистую щеку, а он приложил свои губы к ее щеке. Снова выпрямившись, Нелли вдруг поняла, что это было его благословение для нее и Яна.

— Ну, хорошо, — молвил дед Антон, — таперя ступайте любить друг друга. Любите крепко на всею жизнь.

После этих слов дед опять ушел в забытье. Нелли подошла к Яну. Оба взглянули на бабу Серафиму. Ее сознание тоже было далеко от брэнного тела. Ян обнял Нелли:

— Пойдем в душ, — произнес он ей, — я очень хочу тебя.

Нелли буквально валилась с ног от накатившего вожделения. Сладострастный комок еще сильнее стал душить ее, когда она увидела Яна обнаженным.

— Ян! Помоги мне снять лифчик и трусики, — еле проговорила она, — поддержи меня, я падаю. Ноги не слушаются меня.

Ян быстро разрешил ее изнемогающее от вожделения тело от последнего белья.

— Надо помыться, Нелли, — проговорил он, беря ее чуть ли не под мышки и унося под душ.

– Ян! Я не могу больше терпеть! Возьми меня прямо здесь! Прошу тебя!

Ян понимал, что девушке вот-вот может стать даже дурно и потому старался очень аккуратно и в тоже время быстро мыть ее.

– Нелли, миленькая, потерпи, ведь ты девственница. Здесь тебе станет больно. Сейчас, уже все.

Наконец водные процедуры были окончены. Надо было выйти из ванной комнаты, но Нелли даже и слышать не хотела об этом, так как нужно было разжать объятия. Только ей этого не хватало! Что тут поделаешь? Так и вышел Ян с Нелли из ванной комнаты, неся ее на руках. А она буквально повисла на нем, обвив при этом руками и ногами. Зайдя в свою комнату, он аккуратно лег в кровать.

Ян вождеделел увидеть ее девство, и он увидел его. Нежное и ласковое, которое манило его к себе. Вкуснее всего на свете, слаще меда, пьянее любого вина! Сколько соков любви источало оно! Ян знал, что эту чашу он выпьет до дна! И вот их тела слились в единое целое. Открылось путешествие в страну для двоих. Нелли стонала, прогибалась всем телом, поднимая пред взором Яна свои красивые упругие налитые соками любви груди. Твердыми сосками они стремились ввысь. Наконец, пик любви взорвал комнату ее криком от экстаза. И их тела, покрытые крупными каплями пота, успокоились.

Действие семнадцатое

Уже вечерело, когда Степан Алексеевич вел машину по загородной местности. Ехал к сестре на дачный участок. Конференция не далась ему с большим трудом, скорее наоборот: это его и настораживало. Он привык трудиться, а здесь все просто. Было даже немного непривычно. Но его мучил один вопрос: «Столько лет прошло, а Система как будто дремлет. Ведь совершенно ясно, что она уже давно вступила с нами в контакт. Все, что я узнал от сестры, все, что слышал от матери, говорит только об одном – пришло время Системы. Остерн, Рудольф, Ричард, Альфред Росс, Александр Павлович Нечаев. Все они вышли на логику второго порядка. А главное – на алгоритм! Алгоритмизированная структура. Иммунологическая система. Уже были иммунологические андройды. Лия, Стэлла. А Стэлла вообще человек будущего. И вдруг на столько лет все замерло. Что опять не так? Что не предусмотрели? Может, ошибка Остерна причина того, что происходит? Все может быть. Одно ясно – пути назад нет. Какое-то затишье. Может перед грозой?»

Как только он это подумал, вдруг действительно откуда ни возьмись появилась туча. Тяжелая, иссиня-черная грозовая. Она действительно грозно смотрелась. Тяжелые облака по краям окаймляли бездонную «пасть».

– Откуда же ты только взялась, такая красавица? – произ-

нес вслух Степан Алексеевич.

И словно в ответ ему яркая молния резанула пространство. И буквально через секунды раздался раздирающий уши грохот. Степан Алексеевич даже прищурился.

– Ну извини, извини за такой глупый и неуместный вопрос, — произнес он, — сам-то вон с конференции еду. Вот и разважничался. Больше не буду.

И словно в ответ на его извинения начался ливень. Сначала по капоту машины ударили крупные капли, а секунд через пять пространство вокруг даже не было видно. «Во как!» снова подумал Степан Алексеевич, «Заодно и машину помоем». Однако, совсем рядом, буквально метрах в тридцати, прямо в землю, со страшным оглушающим скрежетом, ударила молния, рассыпавшись на искры.

– Да чтоб тебя! – произнес Степан Алексеевич. – Этак, чего доброго, и убьешь к шутам!

И снова такая же молния ударила, только с другой стороны. На сей раз Степан Алексеевич испугался не на шутку. «Чего делать-то?» растерялся он, осматриваясь по сторонам. Но за ливнем ничего не было видно. Впереди поле, простор. Степан Алексеевич знал, что такие ливни кратковременны. Он стал всматриваться в даль. Там, далеко впереди, абсолютно вертикально, сверкнула молния. «Далеко», подумал Степан Алексеевич. Но что такое? Молния не исчезала. Она продолжала вибрировать и, более того, к ней добавилась еще одна молния, а затем еще и еще! Вскоре целый пучок

из молний беззвучно вибрировал в пространстве. У Степана Алексеевича даже челюсть отвисла при виде такого чуда природы! «Не может быть», подумал он, «Уж не НЛО ли зависло там, за тучей?» И вот тут произошло нечто совершенно удивительное. Молнии по середине начали расходиться в стороны, а их концы при этом, оставались на месте. Началось необъяснимое взаимодействие с пространством. Степан Алексеевич со страхом наблюдал за происходящим. Потом он начал понимать, что наблюдает далеко не природный процесс спонтанного характера, а действие разумной Силы. Более того! «Уж не со мной ли вступает эта Сила в контакт?» этот вопрос, или даже догадка, покрыла все тело Степана Алексеевича крупными мурашками. У него чуть волосы дыбом не встали! Он наблюдал за происходящим, и легкая испарина выступила у него по всему телу. «Наука», подумал он, «К шутам всю науку, когда тут ТАКОЕ!» Далее началось такое, от чего несмотря на непрекращающийся ливень, он вылез из машины.

Действие восемнадцатое

Надежда Алексеевна знала, что брат придет к ней на дачу и готовила ужин. Уже кипели в кастрюле морковь и лук. Стояла другая кастрюля с толченой картошкой. А Надежда Алексеевна накладывала в миску квашеную капусту, как раздался звонок. Надежда Алексеевна взяла мобильный телефон:

– Алло! Привет, Леночка! Что? Сильная гроза? А я застряней и не заметила. Сейчас гляну, — и Надежда Алексеевна выглянула в окно, — Да, ты права. Ой, какая туча! Как же Степка-то там? А я вот кислые щи ему варю. Он их любит. Причем без мяса.

– А что так? Он же вроде как не вегетарианец? – спросила Елена.

– Да дело не в этом. Конечно, нет. Просто считает, что мясные щи тяжелы для его желудка. А так ничего. Мясо трескает. Да ты сама знаешь, какую экзотику он предпочитает.

– Да уж! – произнесла Елена. – Уж чего-чего, а это у него за ним не заржавеет. Так он чего, сейчас в дороге?

– Да в этом-то вся и беда! – молвила Надежда Алексеевна. — Вот только пусть на пороге появится, я этому засранцу покажу!

– Ой, да ладно тебе, Надюша! Не переживай ты так за

него! Все будет хорошо. Доедет он, никуда не денется. Я тебе лучше вот что скажу. Кажется, я знаю, что такое вегетарианское блюдо!

– Ну это же всем давным-давно известно! – удивилась Надежда Алексеевна, – Ну ясен пень! Ну, растительная пища. Чего тут особенного?

– Э нет, Надежда, это не совсем так! Ну почему они едят растительную пищу? Клыки-то в наших челюстях, тоже существуют. А нам все говорят, что, мол, тавровый принцип строения зубов наших. Резцы да коренные. Про клыки как-то не упоминают. А это говорит только о том, что мы всеядны.

– Ну и ладно.

– Ну а ты сама-то хочешь услышать это от меня? Или как?

– Ну говори! Ну слушаю, слушаю, – в голосе Надежды Алексеевны слышалось легкое раздражение.

А про себя она подумала: «Блин! И так все достали! А тут еще она лезет со своими учениями!»

– Надь, а можно тебе вопрос задать? – послышалось из мобильного.

«Ну вот только этого еще не хватало», подумала Надежда Алексеевна и произнесла, «Ну задавай.»

– Так вот, Надь. Как ты думаешь, в чем главная разница между животной пищей и растительной?

– Ну как это в чем? Во-первых, большая разница между клетками. Есть растительная, а есть животная.

– И в чем разница?

– Слушай, мне чего тебе, сейчас всю морфологию рассказывать? Ну вон возьми учебник и почитай.

– Ну правильно, так вы всем и говорите. А без всякого учебника, навскидку! – в голосе Елены чувствовался некий азарт. Стремление познать природу не по учебникам всегда присутствовало в ней и вызывало некоторое раздражение у Надежды Алексеевны, которая как раз очень любила читать.

– Ну что? Ну не знаю я, – ответила она Елене.

– Ну а узнать-то хочешь?

– Ну говори, ну слушаю.

– Скажи, — вновь спросила Елена, — в каких живых существах мы начинаем наблюдать наличие крови?

– Ну прежде всего это кольчатые черви, – ответила Надежда Алексеевна, – она в них первых появляется.

– Ну, а теперь просто подумай логично. Включи логику, – в голосе Елены прослушивались нотки нетерпения.

– Лен, ну давай, ну говори. А то я тут готовлю понимаешь. Брата жду. Ну, говори уже.

– Да ладно, не сердись. Это я так. Хотела, чтобы ты сама додумалась, – голос Елены немного погрузнел.

– Ну говори же, говори! Вот блин!

– Да все очень просто, Надя, в растениях отсутствует кровь. Вот и весь секрет.

Действительно все очень просто. Надежда Алексеевна задумалась. Молчание в трубке говорило о том, что она дей-

ствительно поняла это. И мало того, это ей не безразлично. Ведь основной факт, – отсутствия крови в растениях – говорит сам за себя. «Ну Ленка! Ну читать не читала. Да и читать-то не заставишь, а догадалась. Причем действительно все просто.» — подумала Надежда Алексеевна, и добавила вслух:

– Ну хорошо. Ладно.

– В общем ты поняла?

– Да поняла, поняла. Ладно, надо дальше готовить. Давай пока.

– Пока, – и Елена положила трубку.

А за окном уже лил дождь. Бульон в кастрюле во всю кипел, ожидая картофельное пюре и квашеную капусту.

– Мам, а можно я с ребятами погуляю? – раздался детский, слегка плаксивый голос.

Ребенок лет десяти умоляюще смотрел на мать.

– Нет, я сказала! – приказной, угнетающий тон матери сделал свое дело. Ребенку ничего не оставалось, кроме как подчиниться, и из огорода, чуть не плача, наблюдать за смеющимися и радующимися детьми. А те вовсю играли на мостках небольшого деревенского прудика-лягушатника. Им было весело и хорошо, что нельзя было сказать о ребенке, наблюдавшем за ними из-за изгороди, как из-за колючей про-

волоки. Но в данном случае этой страшной колючей проволокой была его мать. Владислав издали смотрел на играющих детей и завидовал им. Слезы текли по его щекам, да кого волнует чужое горе? А заступника у него не было. Летний день в самом разгаре. Хотелось купаться. А еще более, хотелось веселиться с детьми, но мама не разрешала. Бывали, конечно, случаи, когда каким-то чудом она давала согласие на то, чтобы сын мог плавать с ребятами, но тогда и сама присутствовала при этом. Для Владислава это был праздник! Который, к сожалению, длился недолго. Маленькому мальчику было невдомек, что таким образом мама «жалела» его. Ибо пруд, видите ли, грязный, мало ли что «прицепится» к нежной коже. Опять матери ночь не спать да слезы лить! Вот так и «жалела» она своего ребенка изо дня в день, даже не осознавая, какие душевные травмы ему наносит. Да, в конце концов, плевать ей было на эти травмы, ведь мама всегда права! Бабушка тоже помогала всюю. Уж кто-кто, а бабушка как никто другой будет следить за своим внуком! Бедная бабушка, она даже и не ведала то, что таким образом буквально «сломает» жизнь своему внуку. Как-то Владислав провинился. То ли на карьеры просился отпустить его вместе с ребятами, то ли снова на пруд. Сам того не ожидал, как разозлил мать. Ростом, чуть выше ее колена, хлюпик от роду, он оказался в крепких материнских руках! А далее – страшно!

– Я тебя породила – я тебя и убью! – орала мать, схватив

его и с силой тыкая носом в постель стоящей во дворе деревенского дома. – А ну говори – «мама, прости!»

– Я больше не буду! – задыхаясь от боли и от тряски рук матери кричал Владислав.

– Нет! – орала мать еще сильнее истязая его. – Говори «прости!»

– Аааа! – завизжал ребенок. – Мама! Я не буду больше! Аааа!

– Аля, Алефтина! Что ты делаешь? Оставь Владика! – это услышав вопли своего внука вбежала «скорая помощь» – бабушка. – Не бей Владика!

Еле вырвав из рук своей дочери-извергини внука, бабушка тут же увела его подальше от беды. А озверевшая мать все еще продолжала изрыгать ругань и брызгать слюной. Можно было представить, что произошло, когда Владик, наслушавшись взрослых речей, нечаянно произнес нецензурное слово при матери! Для него это было совершенно непонятное слово, которому он не придавал никакого значения, впоследствии стало хуже смертной казни. Тогда он чуть ли не весь день простоял в углу, наказанный фактически ни за что. Для него стало диким не то, что случайно произнести его, даже услышать от кого-то! А ведь когда-то мать действительно любила его. С криком:

– Мама! – он, когда был совсем еще малышом, ухватил ее своими ручонками за шею и уже более не отпускал. И это тогда, когда она пришла за ним в больницу, чтобы забрать

его из такого страшного заведения. Так и одевала она его. А он ни за что не хотел отпускать ее, свою родную маму. Как дни и ночи не спала она, меняя водочные компрессы на его ножке, которую едва не изуродовали в той больнице. Ну разве можно было забыть тот случай, когда она буквально орала в трубку телефона уже ночью:

– Девушка, миленькая, не бросайте только трубку, помогите! Сын умирает!

И это тогда, когда Владик, до смерти боящийся зубной боли и зубных врачей, утаил от родителей огромный десенный флюс уже иссиня-черного цвета. Сама врач потом удивлялась количеству вышедшего оттуда гноя. И это когда Владика, фактически уже в бессознательном состоянии, привезли в больницу, без очереди усадили в кресло зубного врача и удалили больной зуб. Вот такова его мать!

А сколько лекарств перепил он! Как только жив остался? Впоследствии, когда уже стал взрослым, и стал понимать что и к чему, многие, издеваясь, говорили ему, будто скверно-словили:

– Вот от того-то и жив, что пил их тогда!

Но что говорить о тех людях, которые уже давно не смотрелись в зеркало! А уж если и приходилось им это делать, то скорее всего напоминали горе-читателя, который смотрел в книгу, а видел комбинацию из трех пальцев.

А отец во всем поддакивал матери. Владик действительно был весьма «диким» ребенком. Ни шуток не понимал, ни

общения. А ведь не за горами была взрослая жизнь. Страстью Владика была биология. Невероятно любил ловить рыбу. Вечно видели его на пруду то с удочкой, то с подъемником. Один бродил он по берегу пруда, ловя карасей. Невероятно любил ящериц, змей. Дома устраивал террариумы. И все-таки жизнь его была скучна. Никто не мог подсказать ему, что за ужами не стоит ехать за много километров. Достаточно знать места, где они водятся неподалеку. Но отец и мать решили за него, кем ему быть. Все эти ужи да ящерицы, по их мнению, всего лишь детские забавы. Вырастет – забудет; надо быть серьезнее. Какова была реакция матери, когда она узнала, что ее сын хочет стать биологом! Отец тогда сказал:

– Ну что, с крысами значит работать?

– С крысами? – скорчила гримасу мать, – фу!

И вместо родной биологии попал Владик в технари, направление, связанное с авиацией. Авиацию Владик тоже любил и уважал, и мечтал хоть раз полетать на самолете.

Как-то отцу в капкан попался крот! Для Владика это было целое событие! Он впервые в жизни видел КРОТА! Ему тут же захотелось взять его в руки, чтобы рассмотреть. Куда там! Окрик отца был только один:

– Брось! Брось, я сказал!

Таким образом крот оказался на мусорной куче, а глаза Владика, как всегда, полны очередной порцией слез. И только уже будучи взрослым, он выпотрошил и заспиртовал най-

денного мертвого крота. У того была перебит хребет, а тушка не успела разложиться.

Роль бабушки, отведенная для воспитания внука, была вообще особой. Как творожная масса! Только и делала, что следила за Владиком, его моральной устойчивостью. Как-то пришли к нему в гости две одноклассницы. Учились они вместе. Сидели, разговаривали, все как у людей! Так эта бабушка через каждые четверть часа заглядывала к ним. Проверяла. А чем это там они занимаются? Уж не сексом ли? Заглянет, посмотрит строго на внука, пальцем погрозит, снова уйдет. Вот такая славная бабушка воспитывала его! Тяжело Владика давалась и учеба. А бабушка все время «тыкала его носом», что, мол, не усидчивый, вместо того чтобы ноги кверху задирать, лучше бы сел и книжку почитал. И как-то сказала ему:

– Думали, что будешь профессор! А ты, а... так себе, – и махнула рукой.

Понять ее можно. Можно быть слабеньким, маленьким, даже болезненным, но зато умненьким, дабы бабушке угодить. Владислав с этим согласиться не мог, и старался поддерживать свое искромсанное, действительно подорванное бабушками, мамами, папами, здоровье. Поэтому в квартире действительно задирал ноги кверху, стремился к гимнастике. А уж если в спорт идти, то родителям требовались «рекорды».

Владик, будучи еще подростком, прыгал вместе с девчон-

ками через резинку. Сначала у него не получалось. Потом мелькнула догадка, как нужно прыгать, а мать подтвердила эту догадку, рассказав принцип. У Владика стало получаться, и он быстро овладел правилами этой игры. В результате почти не прыгая, он брал высоту резинки, идущей через шею. Прогибал позвоночник и ноги летели с такой силой, что ударяли пятками по лопаткам! Вот какой гибкостью обладал Владислав. Все удивлялись, глядя на эту гибкость. Разумеется, кроме родителей. А бабка, как всегда, шамкала своим ртом, браня внука:

– Ты погляди! Опять вся рубашка грязная! Что ты все ноги кверху задираешь?! Хоть бы книжечку какую почитал.

А потом его и вовсе осмеяли: дескать, с девочками играет. На этом все закончилось. Никто не поддержал его в эту трудную минуту. А позвоночник он потом надорвал здоровенным березовым комелем, к которому был приделан подъемник. Конечно, говорили ему родители, что, мол, куда ты с такой вот слегой по пруду шатаешься, но Владислав их уже не слушал. В результате ощутил легкую боль между позвонками, только никому ничего не сказал.

А как-то на Новый год разрешили Владиславу испробовать шампанского! Нонсенс! Владислав даже и не поверил своему счастью. Еле дождался положенного срока! Да все спрашивал, действительно ли можно? Не передумают ли? А вдруг – ДААА, НЕ РАЗРЕШАТ!!! Но все обошлось. Шампанское налили ему в бокал. Впервые не сок, а именно шам-

панское! Владислав начал смаковать налитое. Почуял легкое расслабление. Оставалось чуть меньше полбокала. И вот тут к нему обратилась бабушка:

– А ну-ка, внучок, дай-ка мне твой бокальчик!

И протянула руку. Владислав, ничего не понимая, протянул бокал бабушке. Та, не произнеся ни слова, опрокинула содержимое себе в рот:

– Хватит с тебя.

Поначалу Владиславу было очень обидно за такой номер, который выкинула его бабушка. Лишь потом, спустя много лет, вдруг осознал, что правильно сделал, отдав бабушке свое шампанское. Не пожалел для старушки.

Когда он уже был совершеннолетним, хотели отметить серьезное событие: прибытие родственника из командировки. Дело было за городом. Отец и Владик дождались виновника торжества. Отец встретил родственника крепким мужским рукопожатием и все втроем отправились за стол. Что ж, действительно мужская компания! Владислав уже взрослый, да и родственник-то, прямо сказать, ненамного старше его. Вместе рыбу ловили, да в детстве рогатки делали, а то и змея воздушного запускали. Вот теперь за столом их было трое – родственник, отец и он, Владислав. Отец поставил две рюмки и, открыв бутылку, начал разливать содержимое. И тут Владислава поразила мысль: – «Нальет мне или нет? Кем в данный момент буду я за этим столом? В мужской-то компании? Опозорит или нет?»

Отец разлил содержимое в две рюмки. Тут Владислав понял, что оказался прав!

– А... мне?

Отец, строго посмотрев на сына, произнес:

– Еще, тебе? Нос не дорос.

Это была его любимая поговорка в адрес Владислава. Он даже свыкся с нею.

– Может никогда и не дорастет? – спросил Владислав.

– Может и не дорастет, – ответил отец и добавил, обращаясь уже к родственнику, – ну, за прибытие!

И вот эти «взрослые» люди вдвоем выпили. Владислав от сильнейшей обиды проскрипел зубами! Каково было тогда его состояние? Отец опозорил его! Да еще как? Маленькая собака – всегда щенок. Стыдно и обидно за все! Да и не столько обидно, сколько противно. И не заметил тогда отец, что в глазах его сына внезапно блеснула еле заметная искорка злобы. Нет! Он не нахмурил брови и не засопел, как в детстве, от обиды. Вовсе нет. Эта злоба была уже не показной. Она затаилась внутри. Проникла глубоко в сердце Владислава. И теперь его задача была одна – доказать не только самому себе, но и другим, что он взрослый. Конечно, эта задача была наивной – но злость в данном случае лучше отчаяния. Владислава едва не трясло. И внезапно яркая мысль посетила его: «Мужская ли это компания, коли тебе не налили? Будь выше их «солидарности». Не позорь себя за их столом!» Эта мысль пронеслась молнией в голове Владисла-

ва. Встав из-за стола, он молча вышел вон.

«Хвастал силою своей перед папашею!» – поет знаменитый певец. Так именно и было с Владиславом, когда он занимался физическими упражнениями. Но однажды страшная мысль посетила его: – «Но ведь родители-то не вечны! Перед кем хвастать-то? Кому доказывать, что ты человек?» Ответ последовал еще жестче: – «Самому себе. Это прежде всего. А Вселенная подскажет, как быть дальше».

Прошли годы, и вот отец, когда сын уже стал взрослым, прибыл из похода, хотел было выпить рюмку водки вместе с ним «за проезд», Владислав лишь ответил:

– Да не пью я, папа, просто не пью.

– Тьфу ты, – произнес отец, держа тогда рюмку с водкой в руке, – и выпить-то не с кем.

«Как воспитал, так и получил», подумал тогда Владислав, и как легкий туман пришла следующая мысль: «Я свое все равно ведь возьму. Воспитал сыночка, чтобы перед всеми хвалиться. Мол, сын не курит, не пьет, по бабам не бегает. Ну, так это ведь ты.»

А чуть раньше этого осознал отец свою глобальную ошибку в отношении Владислава, да только уже сделать ничего не мог. Слишком поздно было. Слишком уж «завоспитали» они сыночка, «передержали», можно сказать, под своим подолом. То ремнем, то проводами попадало, так что рубцы потом долго алели и на ногах, и на том месте, откуда они растут. Забыли, что хоть он и их сын, но все-таки человек, а

значит и личность! А Владислав со временем не держал уже обиды на отца. Да и ни к чему это было. Единственное, что мешало ему нормально жить, так это его искренняя простота. Доверчивость к людям. Много страдания перенес он из-за этого, поэтому впоследствии стал искренне недоверчив. А вот кто его действительно любил, вернее любила, так это его прабабушка. И имя ее красиво звучало – Акилина! Да и сама она была очень красива. Украшала собой землю русскую. Беда тому, кто посягнет на Ее пределы. Мог ли он тогда предполагать, что Система задействует и его?

Елена была одинока не только по жизни, но и по идейным соображениям в науке. Стараясь вести здоровый образ жизни, она все больше и больше приходила к выводу, что быть здоровым, а не сильным так просто. А вот болеть – это значит нарочно уйти «в несознанку» даже перед самим собой, и, как говорится, избрать для себя самую выгодную позицию – сделаться «жертвой» событий, и ждать жалости от окружающих.

Елена избрала иной путь, путь к Истине. Она понимала, что зло будет гнать ее за этот праведно избранный путь. «Ну почему моя жизнь должна зависеть от каких-то таблеток?» – задавалась она всегда таким вопросом. – «Неужели дипломы делают нашу жизнь? Ну, выучился, ну хорошо, а что далее?

Терпеть ненавижу лицемерия». Ну разве с такими мыслями далеко уедешь? Конечно, нет. Так бы и осталась неучем, если бы Надежда Алексеевна вовремя не подтолкнула ее к учебе.

Надежда Алексеевна увидела в ней весьма толкового человека, способного на многое в науке. А та, во время учебы и познакомилась с Владиславом, тоже одиноким человеком. Как поется: «Встретились два одиночества». Владислав не был замкнутым человеком, единственное – пытался навязать свои представления о мире другим. Ну кому это понравится? Однако Елена, выслушав его, поняла, что у них абсолютно одинаковые взгляды на жизнь. Так они и сдружились. За время их знакомства Надежда Алексеевна пару раз видела Владислава, здоровалась, но в какие-либо разговоры по поводу мироустройства не вступала. А Елена и Владислав настолько привязались друг у другу, что во время каникул вдвоем ходили в походы. Им нравилась природа. Нравилось плыть на байдарке, тихо и спокойно. Останавливаясь на ночлег, быстро разбивали палатку, разводили костер. Сидели у костра до поздней ночи, смотрели на звезды, а те в свою очередь, тихо мерцая, посылали им свой холодный свет из тьмы ночного неба.

А ранним утром, перед восходом Солнца, когда река была подернута холодным туманом, Владислав ловил рыбу. И далеко небезуспешно! Так что, когда просыпалась Елена, уже находилась работа. Однако Владислав сам оприходовал улов. За Еленой было только что намыть крупы, почистить лук да

пару картофелин. Морковь по вкусу, а вот перчик – необходим! Через некоторое время юшка готова. А за ней и рыба печеная. Так и продолжался их поход. Домой возвращались усталые, но побывавшие на природе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.